

Райли Сейгер

ДОМ

НАПРОТИВ

ОЗЕРА

Райли Сейгер
Дом напротив озера

«Автор»

2023

Сейгер Р.

Дом напротив озера / Р. Сейгер — «Автор», 2023

Кейси Флетчер, недавно овдовевшая актриса, пытающаяся избежать череды негативных отзывов в прессе, уединилась в тишине и покое своего семейного дома у озера в Вермонте. Вооружившись биноклем и несколькими бутылками ликера, она проводит время, наблюдая за Томом и Кэтрин Ройс, очаровательной парой, которая живет в доме на берегу озера. Они хорошо смотрятся вместе: Том — богатый успешный технарь; красотка Кэтрин — бывшая модель. Однажды на озере Кейси спасает тонущую Кэтрин, и между ними завязывается многообещающая дружба. Но чем больше они узнают друг друга — и чем дольше Кейси наблюдает — становится ясно, что брак Кэтрин и Тома не так совершенен и безмятежен, как кажется. Когда Кэтрин внезапно исчезает, Кейси пытается выяснить, что с ней случилось. В процессе она раскрывает жуткую, мрачную правду, которая превращает историю о вуайеризме и подозрениях в историю о вине, одержимости и о том, как внешность может быть очень обманчивой...

© Сейгер Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПРОЛОГ	6
СЕЙЧАС	7
ДО	9
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Райли Сейгер

Дом напротив озера

Я думаю, что он это сделал, но я просто не могу этого доказать.

Тэйлор Свифт, «Нет тела, нет дела»

ПРОЛОГ

Озеро темнее гроба с закрытой крышкой.

Так говорила Марни, когда мы были детьми, и она постоянно пыталась меня напугать. Это преувеличение, будьте уверены. Но не сильное. Вода в озере Грин темная всегда, даже если сквозь нее пытается пробиться луч свет.

Гроб с треснувшей крышкой.

В воде вы можете видеть примерно на фут от поверхности, а далее она начинает мутнеть. Потом она становится чернильно-черной. А затем и вовсе погружается во мрак, как в могиле. Жутко становится, когда вы полностью погружены в воду, а мерцание света, исходящего сверху, резко контрастирует с черными глубинами внизу.

Когда мы были детьми, мы купались посреди этого озера, и Марни часто заставляла меня пересекать точку видимости, погружаясь в воду до тех пор, пока мои ступни не коснутся дна. Я пыталась проделать это много раз, но никогда у меня не получалось. Погрузившись в темноту, я всегда терялась, паниковала, оборачивалась, всплывала, когда думала, что иду вниз. Я выходила запыхавшаяся, сбитая с толку и слегка нервная из-за контрастов своего состояния над водой и под водой.

На поверхности был яркий день.

Под водой царила ночь.

На берегу у темной воды озера Грин стоят пять домов, стиль которых варьируется от уютного причудливого до явно современного. Летом, когда штат Зеленых гор предстает в полном великолепии, в каждом доме полно людей, потому что приехали друзья, родственники и гости; даже в сумраке вечера видно, что дома оживлены, потому что их окна светятся, словно маяки, сигнализирующие смотрящему с озера о безопасном пристанище. Через окна можно увидеть хорошо освещенные комнаты, наполненные людьми, которые едят и пьют, смеются и спорят, играют в игры и делятся секретами.

Но все меняется в межсезонье, когда в домах становится тихо, сначала в будни, а потом и в выходные. Не то чтобы они были пусты. Отнюдь нет. Осень манит людей в Вермонт не меньше, чем лето. Но настроение другое. Приглушенное. Торжественное. К середине октября кажется, что тьма озера залила берег и просочилась в сами дома, затуманив их свет.

Особенно это касается дома напротив озера.

Сделанный из стекла, стали и камня, он отражает холодную воду и серое осеннее небо, маскируя все то, что внутри. Когда горит свет, вы можете видеть дальние поверхности, но только до определенного предела. В этом отношении этот дом похож на озеро. Сколько бы вы ни взглядывались внутрь этого дома, что-то под поверхностью его всегда останется скрытым.

Я должна знать что.

И я взглядываюсь.

СЕЙЧАС

Я смотрю на детектива с противоположной стороны стола, передо мной стоит нетронутая кружка кофе. Поднимающийся от кофе пар словно обволакивает ее таинственностью тумана. Хотя этого и не требуется, чтобы напустить на нее таинственность. Вилма Энсон обладает невозмутимым спокойствием, которое редко ей изменяет. Даже в этот поздний час, промокшая от бури, она остается невозмутимой.

– Ты вообще смотрела за домом Ройсов сегодня вечером? – спросила она.

– Да, – отвечаю, нет смысла лгать.

– Видела ли что-нибудь необычное?

– Что-то странное, чего раньше никогда не видела? – переспрашиваю.

Вилма кивает.

– Да, именно это я имею в виду.

– Нет.

На этот раз я лгу. Я много чего видела этим вечером. Больше, чем мне хотелось бы увидеть.

– А что?

Порыв ветра хлещет дождем по французским окнам, ведущим на заднее крыльцо. Мы обе останавливаемся на мгновение, чтобы посмотреть, как капли ударяются о стекло. Шторм уже сильнее, чем предсказывал метеоролог по телевидению, и то, что он предсказывал, уже превзошло ожидания. Корневище урагана четвертой категории превратилось в тропический шторм, когда он бумерангом отклонился от глубин суши обратно в Северную Атлантику.

Редкость для середины октября.

Еще реже для восточного Вермонта.

– А то, что Тома Ройса можно считать пропавшим, – говорит Вилма.

Я отрываю взгляд от заляпанных дождем стеклянных дверей, чтобы удивленно взглянуть на Вилму. Она смотрит в ответ, невозмутимо, как всегда.

– Ты уверена? – спрашиваю.

– Я только что была там. Дом разблокирован. Его модная машина все еще стоит на подъездной дорожке. Внутри вроде ничего не пропало. Кроме него.

Я снова поворачиваюсь к французским окнам, как будто я смогу увидеть дом Ройсов, возвышающийся над противоположным берегом озера. Вместо этого все, что я могу разглядеть, – это воющая тьма и освещенная вспышками молнии поверхность воды, приведенная в движение безумным ветром.

– Думаешь, он сбежал?

– Его бумажник и ключи на кухонном столе, – говорит Вилма. – Тяжело бежать без денег или машины. Особенно в такую погоду. Так что я в этом сомневаюсь.

Я отмечаю ее выбор слов. Сомневается.

– Может быть, у него были помощники, – предположила я.

– Или, может быть, кто-то заставил его исчезнуть. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Мой рот приоткрывается от неожиданности.

– Думаешь, я замешана в этом?

– Ты вломилась в их дом.

– Я пробралась, – говорю я, надеясь, что это различие уменьшит преступность в глазах Вилмы. – И это не значит, что я что-то знаю о том, где сейчас Том.

Вилма молчит, надеясь, что я скажу больше и, возможно, оговорю себя. Проходят секунды. Минуты. Их отсчитывает тиканье напольных часов в гостиной, которые действуют как устойчивый ритм, сопровождающий песню бури. Вилма слушает его, по-видимому, не

торопясь. Она чудо самообладания. Я подозреваю, что ее имя во многом связано с этим. Если шутки о Флинтстоунах и научат вас чему-нибудь, так это глубокому терпению.

– Слушай, – говорит Вилма спустя, кажется, целых три минуты. – Я знаю, что ты беспокоишься о Кэтрин Ройс. Я знаю, ты хочешь найти ее. Я тоже. Но я уже говорила тебе, что, взяв дело в свои руки, это тебе не поможет. Дай мне сделать свою работу, Кейси. Это наш лучший шанс вернуть Кэтрин живой. Так что, если ты знаешь что-нибудь о том, где находится ее муж, пожалуйста, скажи мне.

– Я понятия не имею, где может быть Том Ройс, – я наклоняюсь вперед, упираясь ладонями в стол, демонстрируя нетерпение. – Если не веришь мне, можешь обыскать дом.

Вилма обдумывает это. Впервые с тех пор, как мы сели, я чувствую, как ее мысли тикают так же ровно, как напольные часы.

– Я тебе верю, – наконец говорит она. – Пока. Но я могу передумать в любой момент.

Когда она уходит, я смотрю ей в след, стоя в дверном проеме, пока дождь, косо падающий на переднее крыльцо, хлещет на меня. На подъездной дорожке Вилма бежит обратно к своему седану без опознавательных знаков и садится за руль. Я машу ей рукой, когда она отъезжает от подъездной дорожки задним ходом, шлепает по луже, которой не было час назад, и уносится прочь.

Я закрываю входную дверь, стряхиваю с себя капли дождя и иду на кухню, где наливаю себе большую порцию бурбона. Этот новый поворот событий требует бодрости, которую кофе дать не может.

Снаружи еще один порыв ветра рикошетит в дом. Скрипят карнизы и мерцают огни.

Признаки того, что шторм усиливается.

Бокал бурбона у меня в руке; я поднимаюсь наверх, в первую спальню справа.

Он там такой же, каким я его оставила.

Растянулся на двухъярусной кровати.

Лодыжки и запястья привязаны к спинкам кровати.

Полотенце заткнуто ему в рот, чтобы получился импровизированный кляп.

Я убираю полотенце, сажусь на такую же кровать в другом конце комнаты и медленно делаю большой глоток бурбона.

– У нас мало времени, – говорю я. – А теперь расскажи мне, что ты сделал с Кэтрин.

ДО

Я вижу это краем глаза.
Нарушение водной глади.

Рябь.

Солнечный лучик.

Что-то поднимается из воды, затем снова уходит под воду.

Я наблюдаю за озером мысленно отстраненно, что бывает, когда видишь что-то тысячу раз. Глядишь, но не совсем. Все видишь, но ни на что не реагируешь.

Бурбон может иметь к этому какое-то отношение.

Я на третьем стакане.

Может на четвертом.

Считать выпитые стаканы – еще одна вещь, которую я делаю машинально.

Но движение в воде теперь полностью привлекает мое внимание. Поднимаясь с кресла-качалки на нетвердых ногах после трех (или четырех) стаканов, я смотрю, как гладкая поверхность озера снова зашла в залитых солнцем кругами.

Я прищуриваюсь, пытаюсь сконцентрироваться после небольшого опьянения, чтобы увидеть, что это такое. Это бесполезно. Движение идет с самого центра озера – слишком далеко, чтобы ясно видеть.

Я покидаю заднее крыльцо дома у озера, захожу внутрь и шаркаю в тесный холл сразу за входной дверью. Там есть вешалка для одежды, спрятанная под анораками и дождевиками. Среди них бинокль в кожаном футляре, висящий на потрепанном ремешке, который не трогали больше года.

С биноклем в руке я возвращаюсь на заднее крыльцо и стою у перил, оглядывая озеро. Снова появляется рябь, и в эпицентре из воды появляется рука.

Бинокль падает на пол крыльца.

Я думаю: кто-то тонет.

Я думаю: надо спасти.

Я думаю: про Лена.

Последняя мысль – о моем муже, о том, как он умер в этой самой глубокой воде – побуждает меня к действию. Я отталкиваюсь от перил, от моего резкого движения задрожал лед в бокале для бурбона рядом с креслом-качалкой. Он слегка позвякивает, когда я покидаю крыльцо, сбегая по ступенькам и прыгаю через несколько ярдов замшелой земли между домом и кромкой воды. Деревянный причал вздрагивает, когда я запрыгиваю на него, и продолжает трястись, пока я бегу к моторной лодке, пришвартованной у его конца. Я отвязываю лодку, вскакиваю в нее, хватаю весло и отталкиваюсь от причала.

Лодка на мгновение крутится, делая не очень изящный пируэт на поверхности воды, прежде чем я выпрямляю ее веслом. Как только лодка направилась к центру озера, я запускаю подвесной мотор рывком, от которого ноет рука. Пять секунд спустя лодка скользит по воде туда, где я в последний раз видела круговые движения, но теперь ничего не вижу.

Я начинаю надеяться, что то, что я видела, было просто рыбой, выпрыгнувшей из воды. Или гагара, ныряющая в нее. Или что солнце, отражение неба в озере и несколько стаканов бурбона заставили меня увидеть то, чего на самом деле не было.

Принять желаемое за действительность.

Но когда лодка приближается к середине озера, я замечаю что-то в воде.

Тело.

Покачивается на поверхности.

Неподвижное.

Я глушу двигатель и карабкаюсь к носу лодки, чтобы лучше видеть. Я не могу сказать, лежит ли человек лицом вверх или лицом вниз, жив он или мертв. Все, что я вижу, это тени вытянутых конечностей в воде и спутанные волосы, плавающие, как водоросли. Я представляю себе Лена в этом самом положении и кричу в сторону берега.

– Помогите! Кто-то тонет!

Слова эхом отражаются от огненных деревьев по обеим сторонам озера, и, вероятно, их никто не слышит. Середина октября, и озеро Грин, никогда не переполненное людьми, сейчас почти заброшено. Единственный постоянный житель – Эли, и его нет до вечера. Если кто-то и есть еще рядом, они не дают знать о своем присутствии.

Я сама по себе.

Я снова хватаю весло и начинаю грести к утопленнику. Я приближаюсь и вижу, что это женщина. Ее волосы длинные. Слитный купальник обнажает загорелую спину, длинные ноги, подтянутые руки. Она плывет, как коряга, мягко покачиваясь в кильватерной струе лодки.

Еще один образ Лена всплывает в моей памяти, когда я хватаюсь за якорь, привязанный к одному из бортов лодки. Якорь не тяжелый – всего двадцать фунтов, – но достаточно увесистый, чтобы лодку не дрейфовало. Я бросаю его в воду, веревка, прикрепленная к нему, шипит о борт лодки, когда опускается на дно озера.

Затем я хватаю спасательный жилет, спрятанный под одним из сидений, спотыкаюсь о борт лодки и падаю, держась за якорь. Я неловко вхожу в озеро. Это не похоже на грациозное пикирование. Скорее на боковой удар. Но холод воды отрезвляет меня, как пощечина. Чувства обострились, а тело жалит. Я засовываю спасательный жилет под левую руку и правой гребу к женщине.

Я хороший пловец, даже в полупьяном состоянии. Я выросла на озере Грин и провела много летних дней больше в воде, чем на суше. И хотя прошло уже четырнадцать месяцев с тех пор, как я последний раз погружалась в озеро, вода мне так же знакома, как моя собственная постель. Бодрящая своей прохладой даже в самые жаркие дни и кристально чистая всего на мгновение, прежде чем наступает темнота.

Я плескаю воду в плывущую женщину, в ожидании каких-либо признаков жизни.

Нет ответа.

Ни движения рук, ни ног, ни медленного поворота головы.

Одна только мысль эхом отзывается в моей голове, когда я приближаюсь к ней. Отчасти мольба, отчасти молитва.

Пожалуйста, не умирай. Пожалуйста, пожалуйста, живи.

Но когда я надеваю ей на шею спасательный жилет и переворачиваю ее, она не выглядит живой. В объятиях спасательного жилета и с запрокинутой к небу головой она все больше похожа на труп. Закрытые глаза. Синие губы. Холодная кожа. Я соединяю лямки внизу спасательного жилета, затягивая его вокруг нее, и хлопаю ладонью по ее груди.

Сердцебиения нет.

Твою ж мать!

Я хочу снова позвать на помощь, но я слишком запыхалась, чтобы произнести хоть слово. Даже у сильных пловцов есть свои пределы, и я достигаю своего. Усталость накачивает на меня, как прилив, и я знаю, что еще несколько минут гребли на месте, цепляясь за возможно и вероятно мертвую женщину, и я стану такой же, как она.

Я обнимаю ее за талию одной рукой, а другой начинаю грести обратно к лодке. Я понятия не имею, что делать, когда доберусь до нее. Зацепиться за борт, наверное. Держаться крепче, и также держась за вероятно и определенно мертвую женщину, и надеяться, что у меня восстановится дыхание, чтобы снова закричать.

И что на этот раз кто-то меня все же услышит.

Однако сейчас моя главная забота – вернуться на лодку. Я не догадалась захватить спасательный жилет и себе, и теперь мои броски замедляются, а сердце колотится, и я больше не чувствую своих ног, хотя я думаю, что они все еще двигаются под водой. А вода такая холодная, и я так устала. Настолько страшно, невыносимо устала, что на мгновение я подумываю взять спасательный жилет женщины и позволить ей дрейфовать в глубине.

Срабатывает инстинкт самосохранения.

Я не смогу спасти ее, если не спасу сначала себя, и, возможно, ее уже невозможно спасти. Но потом я снова думаю о Лене, который помер уже больше года назад, его скрюченное тело нашли на берегу этого же самого озера. Я не могу допустить, чтобы с этой женщиной случилось то же самое.

Так что я продолжаю грести одной рукой, а другой держать и вести за собой то, что, как я теперь уверена, является трупом. Я продолжаю плыть, пока лодка не приближается и не оказывается на расстоянии в десяти футах от меня.

Потом девяти.

Потом восьми.

Тело женщины рядом со мной внезапно содрогается. Шокирующий толчок. На этот раз я отпускаю ее, моя рука от удивления отдергивается.

Глаза женщины отрываются.

Она вдруг закашлялась. Ее кашель длинный, громкий, булькающий. Струя воды идет у нее изо рта и стекает по подбородку, а сопливая слизь течет от левой ноздри к щеке. Она вытирается и смотрит на меня в замешательстве, задыхаясь и в ужасе.

– Что сейчас произошло?

– Не волнуйся, – говорю я, вспоминая ее синие губы, ледяную кожу, ее абсолютную, нервирующую неподвижность. – Но я думаю, что ты чуть не утонула.

Никто из нас больше не произносит и слова, пока мы обе не оказались в лодке. У меня не было времени говорить, пока я карабкалась вверх по борту и не плюхнулась на дно лодки, как только что пойманная рыба. Вытянуть женщину на борт было еще труднее, она была бессильна. С моей стороны потребовалось немало усилий, чтобы она оказалась в лодке. В итоге я была слишком измотана, чтобы двигаться и тем более что-то говорить.

Но теперь, после нескольких минут тяжелой отдышки, мы сидим напротив друг друга, лицом к лицу, потрясенные всей этой ситуацией.

– Вы сказали, что я чуть не утонула, – не выдержала женщина и нарушила молчание.

Она завернута в клетчатое одеяло, которое я нашла под одним из сидений лодки, поэтому похожа на котенка, спасенного из сливной канализации. Избитого, уязвимого и благодарного.

– Да, – говорю я, выжимая воду из фланелевой рубашки. Из-за того, что на борту только одно одеяло, я остаюсь промокшей и замерзшей. Я не возражаю. Я же не тот, кто нуждался в спасении.

– Честно говоря, я даже подумала, что ты уже мертва, – продолжаю.

Под одеялом женщина вздрагивает.

– Боже мой.

– Но я была права, – добавляю, пытаюсь смягчить ее очевидный шок. – Но поразительно. Ты вернулась к жизни сама. Я ничего не делала.

Женщина ерзает на своем месте, обнажая яркий купальник под одеялом. Тропическая расцветка. Это так неуместно для осени в Вермонте, что я задаюсь вопросом, как она вообще здесь оказалась. Если бы она сказала мне, что инопланетяне перебросили ее на озеро Грин с пляжа с белым песком на Сейшельских островах, я бы почти поверила.

– Тем не менее, я уверена, что умерла бы, если бы ты не спасла меня, – говорит она. – Так что спасибо, что пришла мне на помощь. Я должна была сказать это раньше. Ну, сразу.

Я отвечаю скромным пожатием плечами.

– Я не в обиде.

Женщина смеется и в процессе оживает, стирая все следы человека, которого я нашла плавающим в воде. Цвет вернулся к ее лицу – персиковый румянец, который подчеркивает ее высокие скулы, пухлые губы, карандашные брови. Ее серо-зеленые глаза большие и выразительные, а нос слегка изогнут – недостаток, который выглядит очаровательно на фоне всего этого совершенства. Она великолепна, даже съжившись под одеялом, вымокшая до нитки.

Она ловит мой взгляд и говорит:

– Кстати, я Кэтрин.

Только тогда я понимаю, что знаю эту женщину. Не лично. Мы никогда не встречались, насколько я помню. Но я все равно узнаю ее.

Кэтрин Ройс.

Бывшая супермодель.

Действующий меценат.

Ее муж – хозяин дома прямо за озером. В прошлый раз, когда я была здесь, дом пустовал, но потом его продали за пять миллионов долларов. Когда дом был продан зимой, он попал в заголовки газет не только из-за того, кто купил этот дом, но и из-за того, где он находился.

Озеро Грин.

Вермонтское убежище примы музыкального театра Лолли Флетчер.

И место, где трагически утонул муж проблемной актрисы Кейси Флетчер.

Не в первый раз эти прилагательные используются для описания моей матери и меня. Их употребляли так часто, что они вполне стали нашими ярлыками. Любимая Лолли Флетчер и проблемная Кейси Флетчер. Дуэт матери и дочери на века.

– Я Кейси, – говорю я.

– О, я знаю, – говорит Кэтрин. – Том – это мой муж – и я собирались зайти и поздороваться, когда мы приехали прошлой ночью. Мы оба большие ваши фанаты.

– Как ты узнала, что я здесь?

– По свету в окошке, – ответила Кэтрин, указывая на дом у озера, который принадлежал моей семье из поколения в поколение.

Этот дом не самый большой на озере Грин (мой новый дом гораздо больше), но зато он самый старый. Построенный моим прапрадедом в 1878 году, он ремонтировался и расширялся примерно каждые пятьдесят лет. С воды дом у озера выглядит прекрасно. Расположенный близко к берегу, высокий и прочный за подпорной стеной из горного камня, он почти пародия на причудливость Новой Англии. Два белоснежных этажа с фронтонами, решетками и пряничной отделкой. Половина дома проходит параллельно кромке воды, так близко, что закругленная веранда практически нависает над самим озером.

Вот где я сидела сегодня днем, когда впервые увидела Кэтрин, плывущую в воде.

И где я сидела прошлой ночью, когда была слишком пьяна, чтобы заметить прибытие знаменитой пары, которая теперь владеет домом прямо через озеро.

Другая половина моего семейного дома у озера отодвинута примерно на десять ярдов, образуя небольшой внутренний дворик. Высоко над ним, на верхнем этаже дома, ряд высоких окон обеспечивает убийственный вид из главной спальни. Прямо сейчас, в полдень, окна скрыты в тени высоких сосен. Но ночью, я подозреваю, свет из главной спальни такой же яркий, как маяк.

– Все лето здесь было темно, – говорит Кэтрин. – Когда вчера ночью мы с Томом заметили огни, мы решили, что это ты.

Она тактично умалчивает, почему они с мужем решили, что это я, а не, скажем, моя мать.

Я знаю, что они знают мою историю.

Все знают.

Единственный намек, который Кэтрин делает на мои недавние неприятности – это обеспокоенный вид:

– Как ты, кстати? Тяжело то, через что ты проходишь. Приходится со всем этим справляться.

Она наклоняется вперед и касается моего колена – удивительно интимный жест для кого-то, кого я только что встретила, даже принимая во внимание тот факт, что я, вероятно, спасла ей жизнь.

– У меня все отлично, – говорю я, потому что если бы я признала правду, мне пришлось бы говорить обо всем этом, используя выражение Кэтрин.

Я еще не готова к этому, хотя прошло уже больше года. Часть меня думает, что я никогда не буду готова.

– Это здорово, – говорит Кэтрин, и ее улыбка сияет, как солнечный луч. – Я чувствую себя плохо из-за того, что чуть не нарушила твой покой, ну, знаешь, чуть не утонув.

– Если тебя это утешит, это произвело чертовски неприятное первое впечатление.

Она смеется. Слава Богу. Одни описывают мое чувство юмора как сухое, другие – как жестокое. Я предпочитаю думать об этом как о приобретенном вкусе, похожем на оливку на дне картины. Вам это либо нравится, либо нет.

Кэтрин, похоже, нравится. Все еще улыбаясь, она говорит:

– Дело в том, что я даже не знаю, как это произошло. Я отличный пловец. Я знаю, что сейчас это не выглядит так, но это правда, клянусь. Наверное, вода оказалась холоднее, чем я думала, и меня свело судорогой.

– Сейчас середина октября. В это время года озеро замерзает.

– О, я люблю купаться в холоде. Каждый Новый год я совершаю погружение в прорубь. Я киваю. Конечно, она знает, о чем говорит.

– Это для благотворительности, – добавляет Кэтрин.

Я снова киваю. Конечно, понимаю.

Я должна была скривиться, потому что Кэтрин говорит:

– Прости. Все это звучало как хвастовство, не так ли?

– Немного, – признаюсь я.

– Фу. Я не собираюсь этого делать. Это просто так у меня случается. Это как противоположность скромного хвастовства. Как это называется? Должно же быть слово для случая, когда вы случайно называете себя лучше, чем вы есть на самом деле.

– Фальстаф? – предполагаю я.

– О, мне это нравится, – воркует Кэтрин. – Вот кто я, Кейси. Неисправимый Фальстаф.

Моя интуиция подсказывает, что Кэтрин Ройс мне нравится. Она из тех женщин, которые, кажется, существуют исключительно для того, чтобы остальные чувствовали себя неполноценными. И все же я очарована ею. Может быть, дело в странной ситуации, в которой мы оказались – спасенный и спасатель, сидящие в лодке прекрасным осенним днем. В этом есть сюрреалистическая атмосфера Русалочки. Словно я принц, замороженный сиреной, которую только что вытащил из моря.

Кажется, в Кэтрин нет ничего фальшивого. Она красивая, да, но в приземленном смысле. Скорее девушка из соседнего дома, чем пугающая бомба. Бетти и Вероника с самоуничижительной улыбкой. Улыбка, которая прославила ее, когда она была моделью. В мире, где спокойное лицо стервы является нормой, Кэтрин выделялась.

Впервые я узнала о ней семь лет назад, когда ставила бродвейскую постановку в театре на 46-й улице. Через квартал, в самом сердце Таймс-сквер, висел гигантский рекламный щит Кэтрин в свадебном платье. Несмотря на платье, цветы, загорелую кожу, она не была счастливой невестой. Вместо этого она была в бегах, пятки ее сверкали, когда она мчалась по изу-

мрудно-зеленой траве, а ее брошенный жених и ошеломленная свадебная вечеринка беспомощно наблюдали за происходящим на заднем плане.

Я не знаю, была ли это реклама духов, свадебных платьев или водки. Мне было все равно. Каждый раз, когда я замечала рекламный щит, я сосредотачивалась на выражении лица женщины. Ее глаза прищурились, а улыбка стала широкой, и она казалась воодушевленной, облегченной и удивленной. Женщина была вне себя от радости, что одним махом разрушила все свое существование.

Мне нравился ее взгляд.

И сейчас нравится.

Только после того, как спектакль закрылся, и я продолжала повсюду видеть изображение женщины, я выяснила ее имя.

Кэтрин Дэниелс.

Журналы называли ее Кэти. Дизайнеры, сделавшие ее своей музой, называли ее Кэт. Она ходила по подиуму для Yves Saint Laurent, резвилась на пляже для Calvin Klein и каталась на шелковых простынях для Victoria's Secret.

Затем она вышла замуж за Томаса Ройса, основателя и генерального директора компании, занимающейся социальными сетями, и ее модельный бизнес прекратился. Я помню, как увидела их свадебное фото в журнале People и была удивлена. Я ожидала, что Кэтрин будет выглядеть так же, как на этом рекламном щите. Олицетворенная свобода. Вместо этого, зашитая в платье Vera Wang и сжимающая руку мужа, она улыбалась так натужно, что я почти не узнала ее.

Теперь она здесь, в моей лодке, свободно улыбается, и я испытываю странное чувство облегчения, что женщина с того рекламного щита не исчезла совсем.

– Могу я задать тебе очень личный вопрос? – спросила я.

– Ты только что спасла мне жизнь, – говорит Кэтрин. – Я была бы настоящей стервой, если бы сказала «нет» прямо сейчас, ты так не думаешь?

– Я про твою модельную карьеру.

Кэтрин останавливает меня поднятой рукой.

– Ты хочешь знать, почему она закончилась.

– Вроде того, – отвечаю я, виновато пожимая плечами. Мне неловко быть банальной. Я могла бы задать ей тысячу других вопросов, но вместо этого спросила о том, о чем ее, вероятно, спрашивают все.

– Короче говоря, причина в том, что заниматься этим не так приятно, как кажется. Постоянно нужно сидеть на диете, что для меня пытка. Представь, в течение года нельзя съесть ни кусочка хлеба.

– Честно говоря, мне сложно представить, – сказала я.

– Одно этого было достаточно, чтобы уйти, – сказала Кэтрин. – Иногда я просто говорю это людям. Я смотрю им в глаза и говорю: «Я ушла, потому что хотела есть пиццу». Но, честно говоря, хуже всего было то, что все внимание было сосредоточено на моей внешности. Все это безостановочное прихорашивание и объективация. Никого не волновало, что я говорю. Или думаю. Или чувствую. Я устала от этого очень быстро. Не пойми меня неправильно, деньги мне платили хорошие. Вау, все безумно здорово. И одежда была восхитительная. Такая красивая. Произведения искусства, честное слово. Но это было неправильно. Люди страдают в мире. Дети голодают. Женщины становятся жертвами. А я там я шла по подиуму в платьях, которые стоят больше, чем годовой доход большинства семей. Это было омерзительно.

– Очень похоже на театральную жизнь.

Я делаю паузу.

– Или на шоу-пони.

Кэтрин смеется и фыркает, и я тут же понимаю, что она мне действительно нравится. Мы во многом одинаковы. Нас обеих не устраивают условия нашей жизни, до смешного привилегированные. Но этого достаточно, чтобы понять абсурдность. Мы же стремимся к тому, чтобы нас считали чем-то большим, чем то, с чем люди ассоциируют нас.

– В любом случае, я не люблю вдаваться в подробности, – говорит она. – Я могу рассказать об этом только тем, кто спасет меня от утопления.

– Что ж, мне бы хотелось услышать подробности.

Кэтрин смотрит в сторону, на другой берег озера, где возвышается ее дом над водной гладью.

– Том хотел, чтобы я оставила все это.

Хмурое выражение лица на мгновение отражается в ее глазах. Краткое, как тень облака на воде. Я ожидаю, что она расскажет еще что-нибудь о своем муже и о том, почему он выдвинул такое требование. Вместо этого Кэтрин начинает кашлять.

Сильно.

Гораздо сильнее, чем раньше.

Этот кашель глубокий, тяжелый, достаточно громкий, чтобы эхом отдаваться в лесной чаще. Одежда падает, и Кэтрин обнимает себя, пока не останавливает приступ кашля. Она выглядит испуганной. Снова хмурая тень скользит по ее лицу, и на секунду кажется, что она понятия не имеет, что только что произошло. Но тень быстро исчезает, и она ободряюще улыбается.

– Прости, некрасиво получилось, – сказала она.

– Ты в порядке?

– Думаю, да, – руки Кэтрин дрожат, когда она натягивает одеяло на свои покрытые мурашками плечи. – Но, наверное, пора домой.

– Конечно, – говорю я. – Ты, должно быть, замерзла.

– Я, конечно.

Теперь, когда адреналин от моих предыдущих героических поступков иссяк, меня охватывает жестокий холод. Мое тело дрожит, когда я поднимаю якорь со дна озера. Вся веревка – все пятьдесят футов – мокрая от натяжения под водой. К тому времени, когда я заканчиваю поднимать якорь, мои руки так устают, что мне требуется несколько рывков, чтобы запустить мотор.

Я начинаю направлять лодку к дому Кэтрин. Ее дом – аномалия на озере, поскольку он единственный, построенный после семидесятых годов. То, что раньше было там, было вполне приемлемым бунгало тридцатых годов, окруженным высокими соснами.

Двадцать лет назад бунгало снесли. Как и сосны.

Теперь на их месте угловатое чудовище, выступающее из земли, как кусок скалы. Сторона, обращенная к озеру, почти полностью покрыта стеклом, от широкого, беспорядочного первого этажа до кончика остроконечной крыши. Днем это впечатляет, хотя и немного пошло. Словно витрина магазина, где ничего не выставлено.

Но ночью, когда все комнаты освещены, он приобретает вид кукольного домика. Каждая комната видна. Блестящая кухня. Блестящая столовая. Широкая гостиная, тянущаяся вдоль каменного патио позади дома, ведущего к берегу озера.

Я была внутри только один раз, когда нас с Леном пригласили на ужин прежние владельцы. Было странно сидеть за всем этим стеклом. Как будто в реалити-шоу.

Не то, чтобы вокруг было много людей, которые могли бы нас видеть. Озеро Грин маленькое по сравнению с другими озерами. Миля в длину и всего четверть мили в ширину, оно одиноко расположено в густом лесу в восточном Вермонте. Оно образовалось в конце ледникового периода, когда ледник, прокладывая себе путь по земле, решил оставить свой кусок. Этот лед

растаял, прорыв в земле желоб, в который со временем стекла его вода. Трудно назвать его озером, скорее лужа. Очень большая и очень глубокая, и очень красивая на вид, но все же лужа.

Преимущество в том, что озеро окружила частная территория домов вокруг. Посторонние не имеют к нему доступа, к воде возможен выход только от немногочисленных жилых участков вокруг. На берегу озера стоят всего пять домов с принадлежащими им земельными участками. Более здесь нет места для строительства еще одного дома. Северный конец озера окружен заповедным лесом. Южный конец представляет собой крутой скалистый обрыв. Посередине дома, два с одной стороны, три с другой.

Вот дом, где живет Кэтрин. Ее дом стоит высокий и внушительный между двумя более старыми, более скромными постройками. Слева, примерно в сотне ярдов от берега, находится дом Фитцджеральдов. Он служит в банковской сфере. Она увлекается антиквариатом. Они прибывают в свой очаровательный коттедж в выходные, посвященные Дню памяти, и уезжают в День труда, оставляя место пустым до конца года.

Справа от дома Ройсов находится ветхая обитель Эли Уильямса, писателя, который был популярен в восьмидесятых и не так популярен сейчас. Его дом напоминает швейцарское шале – три этажа грубо отесанного дерева с крохотными балкончиками на верхних этажах и красными ставнями на окнах. Как и моя семья, Эли и его жена проводили лето на озере Грин. Когда она умерла, Эли продал их дом в Нью-Джерси и переехал сюда на постоянное место жительства. Как единственный постоянный житель озера, он теперь присматривает за другими домами, когда все остальные в отъезде.

В доме Кэтрин не горит свет, поэтому его стеклянная стена отражает озеро, как зеркало. Я ловлю взглядом искаженные силуэты нас двоих в лодке, наши отражения колеблются, как будто мы сами сделаны из воды.

Когда я подвожу лодку к причалу, Кэтрин наклоняется вперед и берет мои холодные руки в свои.

– Еще раз спасибо. Ты действительно спасла мне жизнь.

– Ничего, – говорю я. – Я была бы ужасным человеком, если бы проигнорировала нуждающуюся супермодель.

– Бывшую супермодель.

Она снова кашляет. Кашель опять такой же страшный.

– Ты в порядке? – спрашиваю я. – Может быть тебе нужно к врачу?

– Все будет хорошо. Том скоро вернется. А до тех пор, я думаю, я приму горячий душ и вздремну.

Она выходит на причал и понимает, что мое одеяло все еще на ее плечах.

– Боже, я забыла вернуть тебе это.

– Оставь, – говорю я. – Тебе нужнее.

Кэтрин кивает в знак благодарности и тихим шагом направляется к дому по пристани. Ее шаг длинный, плавный, элегантный, грациозный. Кэтрин, возможно, устала от модельного мира, и на то были веские причины, но ее походка была такой красивой, глаз не оторвать.

Дойдя до дома, она поворачивается ко мне и машет левой рукой.

Только тогда я замечаю что-то странное.

Кэтрин несколько раз упомянула своего мужа, но – по крайней мере сейчас – на ее руке я не заметила обручального кольца.

Мой телефон звонит, когда я возвращаюсь в дом у озера, его сердитое чириканье слышно, когда я поднимаюсь по ступенькам крыльца. Поскольку я промокла, устала и продрогла до костей, мое первое желание – проигнорировать его. Но потом я вижу, кто звонит.

Марни.

Замечательная, язвительная, не по годам терпеливая Марни.

Единственная, кому я еще не надоела, возможно, потому что она моя двоюродная сестра. И мой лучший друг. И мой менеджер, хотя сегодня она просто друг.

– Это не деловой звонок, – заявляет она, когда я отвечаю.

– Я так и предполагала, – говорю я, зная, что она звонит не по делу. Не сейчас. Может быть, никогда больше.

– Я просто хотела узнать, как поживает старое болото.

– Ты имеешь в виду меня или озеро?

– Обоих.

Марни притворяется, что у нее с озером Грин отношения любви-ненависти, хотя я знаю, что на самом деле это всего лишь любовь. Когда мы были детьми, мы проводили здесь каждое лето вместе, плавая и катаясь на каноэ, и не спали полночи, пока Марни рассказывала истории о привидениях.

– Ты ведь знаешь, что на озере обитают привидения? – всегда начинала она, скорчившись у изножья кровати в нашей общей комнате, вытянув загорелые ноги и прижавшись босыми ступнями к наклонному потолку.

– Странно было сюда вернуться, – говорю я, опускаясь в кресло-качалку. – Грустно как-то.

– Естественно.

– И одиноко.

Это место слишком велико для одного человека. Все началось с малого – простой коттедж на одиноком озере. Шли годы, что-то менялось и достраивалось, и дом превратился в наследие. Теперь мне тут так пусто, потому что я тут одна. Прошлой ночью, когда я проснулся в два часа, я бродила из комнаты в комнату, нервничая из-за всего этого незанятого пространства.

Третий этаж. Спальные помещения. Всего пять спален, начиная от большой главной спальни с собственной ванной комнатой и заканчивая маленькой спальней с двумя кроватями и наклонным потолком, где мы с Марни спали в детстве.

Второй этаж. Основная жилая зона, лабиринт уютных комнат, переходящих друг в друга. Гостиная с большим каменным камином и забитым подушками уголком для чтения под лестницей. Я зову ее «логовом», где висит проклятая голова лося на стене, которая нервировала меня в детстве и до сих пор уже во взрослой жизни. Здесь находится единственный в доме у озера телевизор, поэтому я редко смотрю телевизор, когда бываю здесь. Мне всегда кажется, что лось изучает каждое мое движение.

Рядом с гостиной находится библиотека, прекрасное место, которым обычно пренебрегают, потому что его окна выходят только на деревья, а не на само озеро. После этого идет длинная очередь предметов первой необходимости – прачечная, дамская комната, кухня, столовая.

Вокруг всего этого, как ленточка на подарке, крыльцо. Плетеные кресла спереди, деревянные качели сзади.

Нижний этаж. Выходной подвал. Единственное место, куда я отказываюсь идти.

Больше, чем любая другая часть дома, она заставляет меня думать о Лене.

– Чувствовать себя одинокой – это естественно, – говорит Марни. – Но ты привыкнешь к этому. Есть ли еще кто-нибудь на озере, кроме Эли?

– На самом деле, есть. Кэтрин Ройс.

– Модель?

– Бывшая модель, – говорю я, вспоминая, что сказала мне Кэтрин, когда вылезла из лодки. – Она и ее муж купили дом за озером.

– Отпуск со звездами на озере Грин, Вермонт! – говорит Марни своим лучшим голосом телеведущей. – Она была стервой? Модели всегда кажутся мне стервозными. Скандалы, интриги, расследования!

– Она была очень милой, на самом деле. Хотя, возможно, это потому, что я спасла ее от утопления.

– Seriously?

– Seriously.

– Если бы за этим следили папарацци, – говорит Марни, – ваши карьерные перспективы сейчас выглядели бы совсем по-другому.

– Я думала, это не деловой звонок.

– Это не так, – настаивает она. – Пожалуйста, позаботься о себе. Мы займемся делами, когда тебе разрешат вернуться.

Я вздыхаю.

– И это зависит от моей матери. А это значит, что я никогда не вернусь. Меня приговорили к пожизненному заключению.

– Я поговорю с тетей Лолли о твоём условно-досрочном освобождении. А пока у тебя есть новая подруга-модель, которая составит тебе компанию. Ты видела её мужа?

– Ещё нет.

– Я слышала, что он странный, – говорит Марни.

– То есть?

Она делает паузу, тщательно подбирая слова.

– Экспрессивный.

– Ты имеешь в виду как герой-разведчик в каком-нибудь голливудском фильме? Как Том Круз?

– Не совсем. Том Ройс больше похож на парня, который проводит собрания во время занятий фитнесом или пробежкой и никогда не перестаёт работать. Ты ведь не пользуешься его приложением?

– Нет.

Я избегаю обычно социальные сети, которые в основном представляют собой место опасных отхождений с разной степенью токсичности. У меня достаточно проблем, с которыми нужно разобраться. Мне не нужен дополнительный стресс, когда я вижу, как совершенно незнакомые люди в «Твиттере» говорят мне, как сильно они меня ненавидят. Кроме того, я не могу доверять себе. Не могу представить, какую чепуху я бы написала, если бы во мне было шесть стаканов. Нет, лучше держаться подальше от этого всего.

Усилия Тома Ройса в основном направлены на таргетинг в LinkedIn и Facebook. Комбинированная реклама, это называется. Предоставление профессионалам бизнеса возможность общаться, делясь своими любимыми барами, ресторанами, полями для гольфа и местами отдыха. Его слоган: «Работа и отдых обязательно сочетаются».

Не в моей сфере деятельности. Бог знает, я старалась примкнуть к этому комьюнити.

– Хорошо, – говорит Марни. – Наверное, это была бы не очень удачная коллаборация.

– Думаешь? Хотя его слоган мне вполне подходит.

Голос Марни понижается. Это обеспокоенный тон, который я часто слышала в прошлом году.

– Пожалуйста, не шути, Кейси. Не об этом. Я беспокоюсь за тебя. Не как твой менеджер. Как твой друг и член семьи. Я не могу понять, через что ты проходишь, но тебе не нужно делать это в одиночку.

– Я пытаюсь, – говорю я, глядя на стакан бурбона, который оставила, когда кинулась спасать Кэтрин. Меня охватывает желание сделать глоток, но я знаю, что Марни услышит, если я это сделаю. – Мне просто нужно время.

– Что ж, оно у тебя есть, – говорит Марни. – У тебя все в порядке с финансами. И это безумие когда-нибудь уляжется. Просто проведи следующие несколько недель, сосредоточившись на себе.

– Договорились.

– Договорились. И позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится. Все что угодно.

– Договорились, – повторила я.

Я не стала расстраивать Марни и нагружать ее своими мыслями. Зачем? Марни ничего не может сделать, чтобы изменить ситуацию. Единственный человек, который может вытащить меня из беспорядка, который я создала, это я сама.

Чего я не склонна делать в данный момент.

Через две минуты после разговора с Марни мне снова звонят.

Моя мать как всегда ежедневно в четыре часа дня хочет поговорить со мной.

Вместо того чтобы звонить на мобильный, она звонит на старый дисковой телефон, что стоит в гостиной нашего домика. Она знает, что его раздражающий звонок повышает вероятность того, что я отвечу. Она права. В течение трех дней после моего возвращения я пыталась игнорировать эти настойчивые трели, но всегда сдавалась после пятого звонка.

Сегодня я сдерживаюсь до седьмого звонка, прежде чем зашла внутрь и ответила. Если я не отвечу сейчас, я знаю, что она будет продолжать настойчиво звонить.

– Я просто хочу знать, как ты поживаешь, – говорит моя мать по традиции.

Как вчера.

И за день до этого.

– Все в порядке, – отвечаю я, как и вчера.

И за день до этого.

– А дом?

– Тоже хорошо. Я же сказала, все хорошо.

Она игнорирует мой сарказм. Если и есть на свете хоть один человек, которого не смущает мой сарказм, так это Лолли Флетчер. У нее тридцать шесть лет практики общения со мной.

– Ты пила? – спрашивает она, и это настоящая цель ее ежедневного телефонного звонка.

– Конечно, нет.

Я смотрю на голову лося, которая смотрит на меня остекленевшим взглядом со своего обычного места на стене. Несмотря на то, что он мертв уже почти столетие, я не могу отделаться от ощущения, что лось осуждает меня за мою ложь.

– Я искренне надеюсь, что это правда, – говорит мама. – Если это так, пожалуйста, продолжай в том же духе. Если это не так, что ж, у меня не будет другого выбора, кроме как отправить тебя в более эффективное место.

Реабилитация.

Вот что она имеет в виду. Отправить меня в какое-то учреждение в Малибу, в названии которого есть то ли слово «Обещание», то ли «Безмятежность», то ли «Надежда». Я была в таких местах раньше и ненавижу их. Вот почему моя мама всегда намекает на это, когда хочет, чтобы я вела себя хорошо. Это скрытая угроза, которую она никогда не хочет раскрывать полностью.

– Ты же знаешь, что я этого не хочу, – добавляет она. – Вездесущие журналисты обязательно прознают об этом, и, конечно, это будет не очень хорошая для нас реклама. И я не могу вынести мысли о том, что эти мерзкие сплетники оскорбляют тебя больше, чем ты того заслуживаешь.

Это одна из немногих вещей, в которых мы с мамой согласны. Сплетники действительно неприятные. И хотя называть то, что они делают, злоупотреблением – это слишком сильно, но они, безусловно, раздражают. Причина, по которой я изолировалась на озере Грин, а не в своей квартире в Верхнем Вест-Сайде, заключается в том, чтобы скрыться от любопытных взглядов папарацци. Они были безжалостны. Они пасли меня возле моего дома. Следовали за

мною в Центральный парк. Следили за каждым моим движением, в надежде поймать меня с бутылкой в руке.

В конце концов, мне так надоело все это, что я зашла в ближайший бар, села снаружи с двойным старомодным стаканом и проглотила его залпом, пока дюжина камер щелкала. На следующее утро фотография этого момента появилась на обложке New York Post.

«Кейси бухает» – гласил заголовок.

В тот же день моя мать появилась у моей двери в сопровождении своего шофера Риккардо.

– Я думаю, тебе стоит съездить на озеро на месяц, не так ли?

Несмотря на то, что она сформулировала это как вопрос, по ее тону я догадалась, что выбора у меня нет. Было ясно, что это ультиматум; я поеду туда, хочу того или нет, что Риккардо отвезет меня и что мне не следует даже думать о том, чтобы зайти по пути в винный магазин.

И вот я в одиночной камере. Моя мать клянется, что это для моего же блага, но я знаю этому цену. Меня наказывают. Потому что, хотя половина того, что произошло, была не по моей вине, другая половина была целиком моей заслугой.

Несколько недель назад одна знакомая, редактирующая мемуары знаменитостей, предложила мне написать свои собственные.

– Большинство звезд считает, что очень важно оставить после себя мемуары, – сказала она.

Я сказала ей «да», я возьмусь за мемуары, но только в том случае, если название на обложке будет «Как стать кормом для таблоидов за семь простых шагов». Она подумала, что я шучу, и, возможно, так оно и было, но я все еще придерживаюсь этого условия. Думаю, люди бы лучше меня поняли, если бы я изложила свою жизнь, как инструкцию из «Икеи».

«Шаг Первый», конечно же, это быть единственным ребенком возлюбленной Лолли Флетчер, иконы Бродвея, и Гарета Грина, продюсера, довольно мягкого.

Моя мать дебютировала на Бродвее в девятнадцать лет. С тех пор она работает без перерыва. В основном на сцене, но также и в кино и на телевидении. YouTube тоже полон ее интервью на шоу Лоуренса Велка, шоу Майка Дугласа, Мэтча Гэйма и других известных и популярных шоу. Она миниатюрная, едва ли пять футов на каблучках. Вместо того чтобы улыбаться, она подмигивает. Эта ее манера стала ее визитной карточкой. Сначала она собирает «губки бантиком», как у Купидона, и выпускает свою первую стрелу, а затем летит в публику вторая стрела – блеск глаз орехового цвета. Признаю, на публику это действует гипнотически, поэтому многие от нее в восторге.

Моя мама талантлива. Безусловно. Она была и остается звездой старой школы. В расцвете сил Лолли Флетчер могла танцевать, играть и шутить, и была лучшей из лучших. И у нее был мощный певческий голос, который был довольно глубоким для такой маленькой женщины. Это тоже выделяло ее среди прочих.

Но вот маленький секрет моей матери: за звездным мерцанием, внутри ее крошечного тела, есть стальной хребет. Выросшая в нищете в угольном городке в Пенсильвании, Лолли Флетчер в раннем возрасте решила, что станет знаменитой, и что ее голос сделает это возможным. Она усердно работала, убирая студии в обмен на уроки танцев. Еще она работала на трех внеурочных работах, чтобы оплачивать услуги репетитора по вокалу, где тренировалась часами. В интервью моя мама утверждает, что никогда в жизни не курила и не пила алкоголь, и я этому верю. Ничто не могло помешать ее успеху.

И когда она добилась успеха, она продолжала много работать, изо всех сил, на изнурение, чтобы оставаться на звездном небосводе. Никаких поблажек Лолли Флетчер себе не давала и не пропустила ни одного выступления, передав свою роль какой-нибудь другой артистке.

Неофициальным девизом в нашей семье было: «Зачем что-то делать, если ты не собираешься отдаваться по полной программе?»

Моя мать все еще отдается по полной своей программе каждый божий день.

Ее первые два шоу были организованы братьями Грин, которые были одним из лучших продюсерских дуэтов того времени. Стюарт Грин был прямолинейным пиарщиком. Гарет Грин был бледным и невозмутимым бухгалтером-счетоводом. Оба были очарованы юной Лолли. И все думали, что она выберет пиарщика. Но она не оправдала ожиданий и выбрала бухгалтера, который был на двадцать лет старше ее.

Много лет спустя Стюарт женился на хористке, и у них родилась Марни.

Через три года после этого я родилась у своих родителей.

Я была поздним ребенком. Моей матери шел сорок первый год, что всегда заставляло меня подозревать, что мое рождение было случайным, незапланированным. Что-то, чем она могла бы занять себя во время карьерного затишья, когда она была слишком стара, чтобы играть Элизу Дулиттл или Марию фон Трапп, но все еще находилась в нескольких годах от миссис Ловетт и Мамы Роуз.

Материнство было ей менее интересно, чем выступления. Через шесть месяцев она вернулась к работе над возрождением спектакля «Король и я», а я в буквальном смысле стала бродвейским ребенком. Моя кровать стояла в ее гримерке, и я делала свои первые шаги на сцене, практически греясь в лучах сценического света.

Из-за этого моя мать предполагала, что я пойду по ее стопам. Собственно, она этого требовала. Я дебютировала на сцене, сыграв юную Козетту, когда она шесть месяцев играла в «Отверженных» в Лондоне. Я получила роль не потому, что умела петь или танцевать или была хоть немного талантлива, а потому, что это было предусмотрено контрактом Лолли Флетчер. Меня заменили через две недели, потому что я продолжала настаивать на том, что слишком больна, чтобы играть свою роль. Моя мать была в ярости.

Это подводит нас ко «Второму Шагу»: бунту.

После фиаско «Отверженных» мой уравновешенный отец ограждал меня от планов матери создать из меня звезду. Потом он умер, когда мне было четырнадцать, и я взбунтовалась, что для богатого ребенка, живущего на Манхэттене, означало пристраститься к наркотикам. И ходить в клубы, где можно было приобрести наркоту. И на частные вечеринки, где этой наркоты еще больше.

Я курила.

Я сплевывала.

Затем ложила конфету на язык и позволяла ей раствориться, пока не переставала чувствовать внутреннюю часть рта.

И это срабатывало. Несколько блаженных часов я не вспоминала о том, что мой отец умер, и что моя мать заботилась о своей карьере больше, чем обо мне, и что все люди вокруг меня были здесь только потому, что я заплатила за наркотики, и что у меня не было настоящих друзей. Кроме Марни. Но затем я возвращалась к реальности, просыпаясь в чужой квартире, где я никак не могла вспомнить, как сюда попала. Или в салоне такси, когда рассвет выглядит из-за зданий вдоль Ист-Ривер. Или в вагоне метро, где бомж спит на сиденье напротив меня и блюет на мою слишком короткую юбку.

Моя мать изо всех сил старалась справиться со мной. Она тратила большие деньги, чтобы решить проблему, которой была я для нее. Она делала все то, что богатые родители пытаются делать с проблемными девочками. Школа-интернат, реабилитация и сеансы терапии, на которых я грызла свои кутикулы вместо того, чтобы говорить о своих чувствах.

Затем произошло чудо.

Мне стало лучше.

Ну, мне просто стало скучно, что привело к улучшению моего состояния. К тому времени, когда мне исполнилось девятнадцать, я уже так долго наводила беспорядок, что это стало утомительно. Я хотела попробовать что-то новое. Я хотела попробовать не быть слабым звеном. Я бросила наркотики, клубы, «друзей», которых завела на этом пути. Я даже проучилась семестр в Нью-Йоркском университете.

Там же произошел «Третий Шаг» – еще одно чудо.

Я занялась актерским мастерством.

Я никогда не собиралась идти по стопам матери. Выросшая в шоу-бизнесе, я не хотела иметь с ним ничего общего. Но вот в чем дело: это был единственный мир, который я знала. Поэтому, когда подруга по колледжу познакомила меня со своим отцом-кинорежиссером, который затем спросил меня, не хочу ли я сыграть небольшую роль в его следующем фильме, я сказала: «Почему бы и нет?»

Фильм был хорош. Это принесло много денег, и я сделала себе имя. Не Кейси Грин, это мое настоящее имя. Я настояла на том, чтобы меня называли Кейси Флетчер, потому что, честно говоря, если у вас такое же наследие, как у меня, было бы глупо не выставлять это напоказ.

Я получила еще одну роль в другом фильме. Потом еще после этого. К большому удовольствию моей матери и моему удивлению, я стала моим самым большим страхом: действующей актрисой.

Но вот еще что: я довольно хороша в этом деле.

Конечно, не легендарная, как моя мать, которая действительно хороша в своем деле. Но я хорошо улавливаю направление, веду себя прилично и могу придать новый смысл даже самому затертому диалогу. Поскольку я недостаточно красива для статуса ведущей леди, я часто играю второстепенную роль, например, лучшую подругу, серьезную сестру, сочувствующую коллегу. Я никогда не стану звездой, которой является моя мать, и это не моя цель. Но я уже сделала себе имя. Люди знают меня. Режиссеры знают меня. Агенты по кастингу предлагают мне большие роли в небольших фильмах и маленькие роли в больших фильмах, а также главную роль в ситкоме, которая длился всего тринадцать эпизодов.

Меня волнует не размер роли. Но меня волнует персонаж. Я хочу сложных, интересных ролей, в которые я могу погрузиться полностью.

Когда я играю, я хочу быть кем-то совершенно другим. Не собой.

Поэтому моя главная любовь – это театр. Иронично, я знаю. Думаю, взросление за кулисами действительно повлияло на меня. Лучшая часть меня, это точно. Последнее предложение, которое я получила, было сыграть мать актера на шесть лет младше меня в перезагрузке «Трансформеров». У персонажа было четырнадцать реплик. Последним предложением театра стала главная роль в бродвейском триллере с диалогами на каждой странице сценария.

Я сказал нет фильму, да пьесе. Я предпочитаю осязаемую искру между исполнителем и зрителем, которая существует только в театре. Я чувствую это каждый раз, когда выхожу на сцену. Мы делим одно и то же пространство, дышим одним воздухом, разделяем одно и то же эмоциональное путешествие. А потом его нет. Весь опыт преходящ, как дым.

Такова же и моя карьера, которая почти закончилась, что бы ни говорила Марни.

Говоря о том, что недолговечно, добро пожаловать на «Четвертый Шаг»: выйти замуж за сценариста, у которого тоже есть имя, но недостаточно громкое, чтобы затмить ваше.

В моем случае это Лен. Профессионально известен как Леонард Брэдли, который написал несколько сценариев для фильмов, которые вы определенно видели, и довольно много фильмов, которые вы не видели. Мы познакомились сначала на вечеринке, а потом продолжили знакомство на съемках фильма, где он редактировал сценарий, но в титрах указан не был. Оба раза я думала, что он милый, забавный и, возможно, довольно сексуальный под своей серой

толстовкой с капюшоном и кепкой «Эн-уай». Я не думала о нем как о своем парне до нашей третьей встречи, когда мы оказались на борту того же рейса обратно в Нью-Йорк.

– Нам нужно прекратить подобные встречи, – сказал он.

– Ты прав, – ответила я. – Ты же знаешь, что про нас могут пойти сплетни, если мы продолжим вот так встречаться.

Мы сели на соседние места, и весь полет провели в разговорах. К тому времени, как самолет приземлился, мы договорились встретиться за ужином. Стоя в зоне выдачи багажа аэропорта Джона Кеннеди, мы оба раскраснелись от флирта и не хотели расставаться. Я сказала:

– Моя машина ждет снаружи. Мне нужно идти.

– Конечно.

Лен сделал паузу, внезапно смутившись.

– Можно я сначала поцелую тебя?

Я не сопротивлялась, и моя голова закружилась, как одна из багажных каруселей, заваленная чемоданами пассажиров.

Шесть месяцев спустя мы поженились в мэрии, Марни и моя мать были свидетелями. У Лена не было своей семьи. По крайней мере, никого, кого он хотел бы пригласить на свою импровизированную свадьбу. Его мать была на тридцать лет моложе отца, ей было восемнадцать, и она была беременная, когда они поженились, и двадцать три, когда она их бросила. Его отец отыгрался на Лене. Вскоре после начала наших отношений Лен рассказал мне, как его отец сломал руку, когда ему было шесть лет. Следующие двенадцать лет он провел в приемных семьях. В последний раз Лен разговаривал со своим отцом, который уже давно умер, как раз перед отъездом в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе на полную стипендию.

Из-за своего прошлого Лен был полон решимости не совершать тех же ошибок, что и его родители. Он никогда не злился и редко грустил. Когда он смеялся, то смеялся всем телом, как будто внутри него было слишком много счастья, чтобы его можно было сдержать. Он был отличным поваром, еще лучшим слушателем и любил долгие горячие ванны, желательно вместе со мной. Наш брак был комбинацией жестов, как больших (например, когда он арендовал целый кинотеатр на мой день рождения, чтобы мы вдвоем могли посмотреть «Окно во двор»), так и маленьких. Он всегда придерживал для меня дверь. И заказывал пиццу с дополнительным сыром, не спрашивая, потому что знал, что мне это нравится. И ценил удовлетворенную тишину, когда мы вдвоем находились в одной комнате, но занимались разными делами.

В результате наш брак был пятилетним периодом, в течение которого я была почти безумно счастлива.

И это была важная часть моей жизни.

Если бы этого не было в моей жизни, имело бы тогда хоть что-нибудь значение?

Это подводит нас к «Пятому шагу»: провести лето на озере Грин.

Дом у озера всегда был особенным местом для моей семьи. Задуманный моим прапрадедом как спасение от душного и вонючего лета Нью-Йорка, это было единственное место у прохладной воды среди лесной чащи, где можно было жить. Тогда же озеро получило свое название – Грин. Первоначально коренное племя, которое когда-то жило в этом районе, называло озеро Отши, теперь же оно именуется в честь первого белого человека, достаточно бесстрашного, чтобы поселиться здесь, как если бы он был первооткрыватель и строитель новой Америки.

Мой отец каждое лето проводил на озере, носившем его фамилию. Как и его отец до него. Как и я. В детстве я любила жизнь на озере. Это была столь необходимая передышка от театральности моей матери. Некоторые из моих самых ярких воспоминаний связаны с бесконечными днями, проведенными за ловлей светлячков, готовкой зефира на огне, плаванием в озере на солнце до тех пор, пока не загорит кожа.

Идея поехать на озеро летом принадлежала Лену, потому что после холодной, слякотной зимы мы почти не виделись. Я была занята в бродвейском триллере, который предпочла фильму «Трансформеры», а Лену все время приходилось возвращаться в Лос-Анджелес, чтобы написать еще один набросок сценария о супергероях, за которых он взялся, потому что ошибочно полагал, что это будут легкие деньги.

– Нам нужен перерыв, – сказал он во время пасхального бранча. – Давай возьмем отпуск и проведем его на озере Грин.

– На все лето?

– Ага. Думаю, это пойдет нам на пользу, – Лен улыбнулся мне, выпивая свою «Кровавую Мэри». – Я знаю, что мне чертовски нужен перерыв.

И мне тоже. Тогда мы взяли отпуск. Я поставила пьесу на паузу на четыре месяца, Лен наконец закончил сценарий, и мы уехали на лето в Вермонт. Это было замечательно. Днем мы коротали часы, читая, затем занимались любовью, а после высыпались. По вечерам мы готовили свой ужин и сидели на крыльце, потягивая крепкие коктейли и слушая призрачный зов гагар, эхом разносящийся по озеру.

Однажды днем в конце июля мы с Леном наполнили корзину для пикника вином, сыром и свежими фруктами, купленными утром на ближайшем фермерском рынке. Мы подошли к южной оконечности озера, где лес сменяется скалистым утесом. Наткнувшись на вершину, мы разложили еду на клетчатом одеяле и провели день, перекусывая, попивая вино и глядя на воду далеко внизу.

В какой-то момент Лен повернулся ко мне и сказал:

– Давай останемся здесь навсегда, Си.

Си.

Это было его прозвище для меня, созданное им после того, как он счел «Кейс» слишком грубым для ласкового обращения.

– Кейс ассоциируется у меня с частным детективом, – сказал он. – Или, что еще хуже, с юристом.

– А может, мне и не нужно никаких прозвищ, – сказала я. – Мое имя не такое уж и громоздкое.

– Ну, как же! Ты же называешь меня Лен. А я тебя не буду называть ласково? Нет, тогда я буду эгоистом, если у меня будет уменьшительно-ласкательное имя, а у тебя нет.

Когда между нами произошел этот диалог, мы уже официально встречались две недели, мы оба очень быстро чувствовали, что все становится очень серьезно, но ни один из нас не был готов это признать. Вот почему Лен слишком старался той ночью. Он хотел поразить меня остроумием. И хотя остроумие, возможно, было напряженным, я действительно была ослеплена им.

И я оставалась в этом состоянии большую часть нашего брака.

И вот мы сидим на краю обрыва тем июльским днем. Я смотрю на воду, загипнотизированная солнечным светом, искрящимся на озере, и летним ветерком, что колышет мои волосы.

Лен указал на валун, торчавший из воды примерно в пятидесяти ярдах от берега внизу. На озере Грин о нем ходили легенды, в основном потому, что никто не знал, как этот выгоревший на солнце камень оказался на двадцати футах над водой и еще сколько-то он опускается от поверхности до дна озера. Мы все называли его Старым Упрямым, потому что Эли, исследовавший региональные легенды, утверждал, что он был там сотни лет и останется еще долго после того, как нас не станет.

Вдруг Лен сказал:

– Конечно, нам все равно придется много ездить в город и Лос-Анджелес по работе, но нет закона, обязывающего жить на Манхэттене. Мы могли бы жить здесь постоянно. Сделать это место нашим домом.

Дом.

Мне понравилось, как это звучит.

Не имело значения, что дом у озера формально принадлежал моей тете и матери. Или что восточный Вермонт был довольно далеко от Манхэттена, не говоря уже о том, как далеко от Лос-Анджелеса, где Лен проводил так много времени. Идея привлекала меня. Как и Лен, я жаждала жизни вдали от нашей повседневной рутины.

– Дай подумать, – сказала я.

Но шанса подумать у меня не было. Через неделю Лен умер.

Кстати, это «Шестой Шаг».

«Пусть ваш муж умрет во время отпуска».

В то утро, когда это случилось, меня вытащил из постели голос Эли, стучащего в входную дверь. Прежде чем открыть ее, я посмотрела на часы в холле. Семь утра. Слишком рано для него, чтобы нанести соседский визит.

Что-то случилось.

– Твоя лодка оторвалась, – объявил Эли. – Проснулся и увидел, как она дрейфует по озеру. Думаю, ты не правильно ее завязала.

– Она все еще там? – спросила я.

– Нет. Я отбуксировал ее в свой док. Могу привести ее тебе. – Эли оглядел меня, заметив мою ночную рубашку и наспех накинутый халат. – Или пусть Лен плывет со мной.

Лен.

Его не было в постели, когда я проснулась. В доме его тоже не было. Эли и я обыскали дом вдоль и поперек, выкрикивая его имя. Его не было нигде. Он ушел.

– Как ты думаешь, он мог выйти на утреннюю пробежку или что-то в этом роде?

– Лен не бегают, – сказала я. – Он плавает.

Мы оба посмотрели на озеро, мерцающее за высокими окнами гостиной. Вода была спокойной. И вокруг никого и ничего. Я не могла даже представить себе нашу лодку, не пришвартованную, бесцельно дрейфующую по воде. Пусто.

Эли тоже представил себе это, потому что следующее, что он сказал, было:

– Ты не знаешь, была ли у Лена какая-то причина брать лодку сегодня утром?

– Некоторые дни... – Я сделала паузу, чтобы проглотить комок беспокойства, который внезапно застрял у меня в горле. – Иногда по утрам он ходит на рыбалку.

Эли знал это. Он видел Лена на воде в этой дурацкой рыбацкой шапке и с отвратительными сигарами, которые, как он утверждал, отпугивали комаров. Иногда они вдвоем даже рыбачили вместе.

– Ты видела, как он уходил сегодня утром? – Эли еще раз взглянул на мое постельное белье и опухшие глаза, справедливо решив, что именно из-за него я встала с постели. – Или может быть слышала?

Я ответила коротким, испуганным качанием головы.

– И он не сказал тебе прошлой ночью, что собирается порыбачить?

– Нет, – ответила я. – Но он не всегда говорит мне. Особенно, если он думает, что я проспю несколько часов. Иногда он просто уходит.

Взгляд Эли вернулся к пустому озеру. Когда он снова заговорил, его голос был прерывистым, осторожным.

– Когда я буксировал твою лодку, я увидел внутри коробку для удочек и снастей. Лен не всегда держит их там, не так ли?

– Нет, – сказала я. – Он держит их...

В подвале. Вот что я хотела сказать. Вместо этого я пошла туда, вниз по шатким ступеням к тому, что технически является первым уровнем дома у озера, но используется как подвал, потому что он встроен в крутой склон холма, спускающегося к воде. Эли последовал за мной.

Мимо комнаты с печью и водонагревателем. Мимо стола для пинг-понга, который в последний раз использовался в девяностых. Мимо лыж на стене и коньков в углу. Я остановилась.

Флигель.

Место, куда мы с Леном входили и выходили после купания и катания на лодке через старую синюю дверь, которое было частью дома с самого начала. Там есть старая раковина и длинная деревянная вешалка, на которой висят куртки, толстовки и шапки.

Чего-то не было.

Рыбацкая шапка Лена – гибкая и вонючая, армейского зеленого цвета – отсутствовала.

Кроме того, полка, на которой должны были стоять его коробка для снастей и удочка, была пуста, а скрипучая синяя дверь, ведущая наружу, была приоткрыта.

Я сдавленно всхлипнула, заставив Эли оттолкнуть меня от двери, словно это был изуродованный труп. Он схватил меня за плечи, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Я думаю, мы могли бы вызвать полицию.

Эли сделал вызов. Он сделал все, если честно. Он даже собрал соседей, Фицджеральдов с его стороны озера и Митчеллов с моей, чтобы сформировать поисковую группу.

И именно он, в конце концов, нашел Лена после десяти утра.

Эли первым обнаружил его шляпу, плавающую, как кувшинка, в нескольких ярдах от берега. Он пошел за ней вброд, а когда повернулся, чтобы вернуться на сушу, то заметил Лена в сотне ярдов от себя, выброшенного на берег, как жертву кораблекрушения.

Других подробностей не знаю. Ни Эли, ни полиция не сказали мне, где именно нашли моего мужа, а я не спрашивала. Лучше бы я не знала. Кроме того, это не имело особого значения. Лен же был уже мертв.

Задав мне несколько вопросов, полиция довольно быстро во всем разобралась. Лен, который всегда рано вставал на озере, проснулся, сварил кофе и решил порыбачить.

В какой-то момент он выпал за борт, хотя представители закона не могли сказать мне, как, почему и когда. Вскрытие обнаружило в его организме алкоголь – мы выпивали прошлой ночью – и большую дозу антигистаминного препарата, который Лен принял от аллергии, предполагая, что он принял двойную дозу перед тем, как выйти на улицу тем утром. Все, что знал судмедэксперт, это то, что он упал в воду и утонул, оставив после себя лодку, ящик для снастей и удочку, а также термос с еще теплым кофе.

Меня оставили.

В тридцать пять лет я овдовела.

Ну, вот, после этого остается только один, «Последний Шаг».

Несчастливый номер семь.

«Провал».

Мое возвращение в реальность происходило довольно медленно; близкие люди мне помогали, они заботились обо мне. Эли оставался со мной до тех пор, пока из Манхэттена не приехал Риккардо с моей матерью и Марни. Мы провели бессонную ночь, собирая мои вещи, и рано утром уехали.

В течение следующих шести месяцев я как-то держалась, насколько это было возможно при таких обстоятельствах. Я оплакивала свою потерю, как публично, так и наедине. Я даже посетила две поминальные службы, одну в Нью-Йорке, а другую в Лос-Анджелесе, прежде чем вернуться на озеро Грин на день, когда под наблюдением небольшой группы друзей и семьи я высыпала прах Лена в воду.

Но во втором полугодии все пошло под откос. До этого меня окружали люди. Мама приезжала каждый день или присылала Риккардо, когда работала. Марни и другие друзья и коллеги обязательно звонили и заходили, чтобы протянуть руку помощи и посмотреть, как я справляюсь. Но такое излияние доброты не может длиться очень долго. Люди идут дальше. Они должны идти дальше.

В конце концов, я осталась одна, наедине с тысячей эмоций, раздирающих меня изнутри, без какой-либо помощи. Когда мне было четырнадцать, и я оплакивала своего отца, я обратилась к наркотикам. Чтобы не повторять этот путь, я решила, что выпивка – лучший выход из ситуации.

Бурбон, в основном. Но и джин. И водка. И вино любого цвета. А однажды, когда я забыла запастись выпивкой перед метелью, из-за нехватки алкоголя, я употребила прямо из бутылки ядерное грушевое бренди. Это не избавило от боли полностью, но, черт возьми, облегчило ее. Из-за пьянства обстоятельства моего вдовства казались далекими, как будто это был смутно припоминаемый кошмар, от которого я проснулась давным-давно.

И я была полна решимости продолжать пить до тех пор, пока не останется воспоминаний об этом конкретном кошмаре.

В мае меня спросили, не хочу ли я вернуться к бродвейской пьесе, которую оставила перед отъездом в Вермонт. «Частица сомненья», так она называлась. О женщине, которая подозревает, что ее муж пытается ее убить. Спойлер: он пытался.

Марни порекомендовала мне отказаться, предполагая, что продюсеры просто хотели увеличить продажи билетов, извлекая выгоду из моей трагедии. Моя мама порекомендовала мне согласиться, посоветовав, что работа пойдет мне на пользу.

Я согласилась.

Мама же лучше знает, верно?

Ирония в том, что моя работоспособность значительно улучшилась. «Травма открыла в тебе что-то», – сказал мне режиссер, как будто смерть моего мужа была моим творческим выбором. Я поблагодарила его за комплимент и пошла прямо в бар через улицу.

К тому моменту я уже знала, что злоупотребляю выпивкой. Но я справлялась. Я выпивала два бокала в своей гримерке перед выступлением, просто чтобы раскрепоститься, а потом, сколько захочу, после вечернего шоу.

В течение нескольких месяцев мои две порции перед занавесом незаметно превратились в три, а пьянство после выступления иногда продолжалось всю ночь. Но я была осторожна. Я не позволяла этому повлиять на мою работу.

Пока однажды я не пришла в театр уже пьяная.

Это было утром в среду.

Режиссер столкнулся со мной в моей гримерке, где я наносила макияж дико трясущимися руками.

– Я не могу позволить тебе продолжать в том же духе, – сказал он.

– А в чем проблема? – сказала я, изображая оскорбление. В тот день это было лучшее, что я сыграла.

– Ты пьяна в стельку.

– Я тебя умоляю. Я играла эту роль сто раз, – сказала я. – Я, черт возьми, могу сыграть ее закрытыми глазами.

Но я, твою ж мать, не смогла этого сделать.

Это было ясно, как только я вышла на сцену. Хотя нет, вышла – не то слово. Я выползла на сцену, раскачиваясь, словно под ураганным ветром. Затем я споткнулась о стул, соскользнула по нему и рухнула на пол пьяной кучей, и так и лежала, пока коллеги не утащили меня за кулисы.

Шоу остановили, пригласили моего дублера, а меня уволили из «Частицы сомненья», как только продюсеры решили, что я достаточно трезва, чтобы понять, что они мне говорят.

Отсюда и таблоиды, и папарацци, и то, что меня увезли на отдаленное озеро, где я не буду публично позориться, и где моя мать может ежедневно навещать меня.

– Ты действительно больше не пьешь, да? – спросила меня мать.

– Я действительно больше не пью, – я поворачиваюсь к лосю на стене, прижимая палец к губам, как будто намекаю ему не выдавать мой секрет. – Но ты стала бы винить меня, если бы это было так?

Мать молчит. Она знает меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я не до конца с ней честна.

– Где ты достала? – наконец сказала она. – Уговорила Риккардо? Я же специально сказала ему не...

– Мам, Риккардо не причем, – сказала я, умолчав о том, что по дороге из Манхэттена я действительно умоляла его зайти в винный магазин за сигаретами, хотя я не курю. Он не поддался на мои уговоры. – Бутылки уже были здесь. Лен и я запаслись прошлым летом.

Это правда. Нет, частичная правда. Мы привезли с собой много выпивки, хотя большая часть этих бутылок была уже давно опустошена к моменту смерти Лена. Но я уж точно не стану рассказывать маме, как я на самом деле заполучила алкоголь.

Она вздыхает. Все ее надежды и мечты обо мне умирают в одном длинном томном выдохе.

– Я не понимаю, – говорит она, – почему ты продолжаешь делать это с собой. Я знаю, ты скучаешь по Лену. Все мы скучаем. Мы тоже любили его, знаешь ли.

Я знаю. Лен был бесконечно очарователен, и Лолли Флетчер ворковала у него на ладони через пять минут после их знакомства. Марни была такой же. Они были без ума от него, и хотя я знаю, что его смерть опустошила и их, но их горе ничто по сравнению с моим.

– Это не то же самое, – говорю я. – Тебя же не наказывают за то, что ты оплакиваешь его.

– Но, дорогая, ты была настолько неуправляема, что мне пришлось что-то предпринять.

– И поэтому вы сослали меня сюда, – говорю я. – Сюда. Где все произошло. Ты когда-нибудь думала о том, что эти воспоминания меня больно ранят?

– Я наоборот думала, это тебе поможет, – говорит мама.

– Как?

– Воспоминания, наконец, заставят тебя столкнуться с тем, что произошло, и принять. Потому что, пока ты этого не сделаешь, ты не сможешь двигаться дальше.

– Вот в чем дело, мама, – говорю я. – Но я не хочу двигаться дальше.

Я швыряю трубку телефона и выдергиваю шнур из розетки в стене. Для нее больше нет стационарного телефона. Засунув телефон в ящик неиспользуемого буфета, я мельком вижу себя в висящем над ним зеркале с позолоченными краями.

Моя одежда промокла, волосы свисают прядями, а капли воды все еще прилипают к моему лицу, как бородавки. Вида себя такой – беспорядок во всех мыслимых смыслах – я возвращаюсь на крыльцо к стакану бурбона, ожидающему меня там. Лед растаял, оставив два дюйма янтарной жидкости на дне стакана.

Залпом я опорожняю стакан до последней капли.

В пять тридцать я принимаю душ, переодеваюсь в сухую одежду и снова стою на крыльце, наблюдая, как солнце садится за далекие горы на другом берегу озера. Рядом со мной свежий бурбон.

Четвертая бутылка за день.

Или пятая.

Я делаю глоток и смотрю на озеро. Прямо напротив меня дом Ройсов освещен, как сцена, все комнаты сияют. Внутри движутся две фигуры, хотя я не могу их четко разглядеть. Ширина озера здесь около четверти мили. Достаточно близко, чтобы понять, что происходит внутри, но слишком далеко, чтобы разглядеть какие-либо подробности.

Наблюдая за их расплывчатой, отдаленной деятельностью, я задаюсь вопросом, чувствуют ли Том и Кэтрин себя такими же незащищенными, как и я, когда была в том доме. Возможно, это их не смущает. Будучи бывшей моделью, Кэтрин, вероятно, привыкла к тому,

что за ней наблюдают. Кто-то может возразить, что тот, кто покупает дом из полустекла, знает, что его видят, и это часть сделки. Возможно, даже из-за этого они его купили.

Это бред, и я это знаю. Вид, открывающийся жителям озера Грин, является одной из причин, по которой дома здесь такие дорогие. Другая – конфиденциальность. Вероятно, это настоящая причина, по которой Том и Кэтрин Ройс купили дом за озером.

Но когда я вижу бинокль, стоящий в нескольких футах от меня, прямо там, где я его уронила ранее, я не могу не поднять его. Я говорю себе, что это для того, чтобы протереть его. Но я знаю, что это только вопрос времени, когда я подниму его к глазам и всмотрюсь в противоположный берег. Слишком любопытно, чтобы устоять перед проблеском внутренней жизни бывшей супермодели и ее мужа-технаря.

Бинокль принадлежал Лену, который купил его во время недолгого наблюдения за птицами, потратив при этом небольшое состояние. В своей речи после покупки, оправдывая расходы, он говорил об их безумном увеличении, широком поле зрения, стабилизации изображения и высочайшей четкости.

– Это потрясающий бинокль, – сказал он. – Он настолько хорош, что если ты согласишься на полную луну, то сможешь увидеть кратеры.

– Но это для птиц, – ответила я. – Кто же хочет смотреть на птиц так близко?

Когда я неизбежно подношу бинокль к глазам, меня это не впечатляет. Фокус сбивается, и на несколько резких секунд все искажается. Ничего, кроме одурманивающих видов на воду и верхушки деревьев. Я продолжаю настраивать бинокль, пока изображение не станет четче. Теперь деревья в фокусе. Поверхность озера становится чистой.

Теперь я понимаю, почему Лен был так взволнован.

Этот бинокль действительно потрясающий.

Изображение не очень близко. Определенно не экстремальный крупный план. Но детализация на таком расстоянии поразительна. Такое ощущение, что я стою на другой стороне улицы, а не на противоположном берегу озера. То, что было размыто невооруженным глазом, теперь кристально четко.

Включая внутреннюю часть стеклянного дома Тома и Кэтрин Ройс.

Я беру первый этаж, где сквозь массивные окна видны детали гостиной. Белоснежные стены. Современная мебель середины века в нейтральных тонах. Брызги цвета обеспечены массивными абстрактными картинами. Это мечта дизайнера интерьеров, и это так далеко от интерьера деревенского дома у озера моей семьи. Здесь деревянный пол поцарапан, а мебель стара и изношена. Стены украшают пейзажи, висят перекрещенные снегоступы и старая реклама кленового сиропа. И голова лося в гостиной, конечно.

В гораздо более изысканной гостиной Ройса я замечаю Кэтрин, полулежащую на белом диване и листающую журнал. Теперь высохшая и полностью одетая, она выглядит гораздо более знакомой, чем в лодке. Сейчас она больше похожа на модель, которой была раньше. Ее волосы сияют. Ее кожа светится. Даже ее одежда – желтая шелковая блузка и темные капри – блестят.

Я проверяю ее левую руку. Ее обручальное кольцо снова на своем месте, украшенное бриллиантом, который выглядит нелепо огромным даже в бинокль. Это заставляет мой безымянный палец произвольно сгибаться. Оба моих кольца от Лена лежат в шкатулке на Манхэттене. Я перестала их носить через три дня после его смерти. Носить их как постоянное напоминание было слишком больно.

Я навожу бинокль на второй этаж и главную спальню. Здесь тусклее, чем в остальной части дома, и освещение идет только от прикроватной лампы. Но я все еще могу различить пещерообразное пространство со сводчатыми потолками и декором, который выглядит как в элитном гостиничном номере. По сравнению с ней моя главная спальня с ее скрипучим кар-

касом кровати и антикварным комодом с ящиками, которые уже не до конца закрываются, просто позорна.

Слева от спальни находится тренажерный зал. Я вижу телевизор с плоским экраном на стене, руль велосипеда Peloton перед ним и верхнюю часть стойки со свободными весами. Дальше комната с книжными полками, письменным столом, лампой и принтером. Скорее всего, это домашний офис Тома Ройса. Он сидит за столом и хмуро смотрит на экран открытого перед ним ноутбука.

Он закрывает ноутбук и встает, наконец, дав мне возможность полностью рассмотреть себя. Мое первое впечатление о Томе: он похож на человека, который женился бы на супермодели. Понятно, почему Кэтрин тянулась к нему. Он красавчик, конечно. Но это обжитая красота, напоминающая мне о Харрисоне Форде всего год спустя после его расцвета. Примерно на десять лет старше Кэтрин, Том излучает уверенность, даже когда он один. Он стоит прямо, как шомпол, одет так, словно только что сошёл со страниц каталога. Темные джинсы и серая футболка под кардиганом кремового цвета, все безупречно сидит. Его волосы темно-каштановые и длинные. Я не могу даже представить, сколько денег он вкладывает в себя.

Том выходит из офиса и через несколько секунд появляется в спальне. Потом он исчезает через другую дверь в комнату. Главная ванна, судя по всему. Я вижу белую стену, край зеркала, ангельское сияние идеального освещения в ванной.

Дверь закрывается.

Прямо под ним Кэтрин продолжает читать.

Поскольку я не хочу признаваться себе, что взяла бинокль только для того, чтобы шпионить за Ройсами, я навожу его на дом Эли. Скопление камней и вечнозеленых растений между двумя домами проплывает в размытом пятне.

Я ловлю Эли, когда он возвращается домой с поручениями – в этой части Вермонта это занятие занимает целый день. Озеро Грин расположено в пятнадцати минутах от ближайшего города, до него можно доехать по шоссе, идущему на юго-запад через лес. Само шоссе находится в миле отсюда, и добраться до него можно по неровной гравийной дороге, огибающей озеро. Вот где Эли, когда я замечаю его. Он поворачивает свой верный красный пикап с дороги на подъездную дорожку.

Я смотрю, как он выходит из грузовика и несет продукты на боковое крыльцо и через дверь, ведущую на кухню. Внутри дома в одном из задних окон загорается свет. Сквозь стекло я вижу столовую с медным светильником и гигантской старой клеткой. Я даже могу разглядеть редко используемую коллекцию узорчатого фарфора, которая стоит на верхней полке комода.

Далее Эли возвращается к пикапу, на этот раз сняв картонную коробку с кузова. Провизия для меня, которую, как я полагаю, он принесет раньше, чем позже.

Я направляю бинокль обратно на Ройсов. Кэтрин сейчас у окна гостиной. Сюрприз. Ее неожиданное появление у стекла вызывает у меня чувство вины, и на мгновение я задаюсь вопросом, видит ли она меня.

Ответ – нет.

Не тогда, когда она вот так внутри, с включенным светом. Может быть, если бы она прищурилась, то смогла бы разглядеть красную клетку моей фланелевой рубашки, когда я сижу, откинувшись, в тени крыльца. Но она никак не может быть уверена, что я наблюдаю за ней.

Она стоит в нескольких дюймах от стекла, глядя на озеро, ее лицо – великолепный чистый лист. Еще через несколько секунд от окна Кэтрин продвигается вглубь гостиной, направляясь к барной стойке рядом с камином. Она бросает в стакан немного льда и наполовину наполняет его чем-то, налитым из хрустального графина.

Я поднимаю свой стакан в молчаливом тосте и выпиваю свой глоток за нее.

Над ней Том Ройс выходит из ванной. Он сидит на краю кровати, рассматривая свои ногти.

Скучно.

Я возвращаюсь к Кэтрин, которая снова стоит у окна со стаканом в одной руке и телефоном в другой. Прежде чем набрать номер, она наклоняет голову к потолку, как бы прислушиваясь, не идет ли ее муж.

Нет. Быстрый поворот бинокля показывает, что он все еще занят своими ногтями.

Ниже Кэтрин правильно полагает, что путь для действий свободен, касается своего телефона и подносит его к уху.

Я позволила своему взгляду вернуться в спальню, где сейчас посреди комнаты стоит Том, прислушиваясь к тому, что делает жена внизу.

Только Кэтрин молчит. Держа телефон и постукивая ногой, она ждет, когда тот, кому она только что позвонила, ответит.

Наверху Том на цыпочках пересекает спальню и выглядывает в открытую дверь, от которой я вижу только кусочек. Он исчезает через нее, оставляя спальню пустой, а я двигаю бинокль, чтобы попытаться поймать его появление в другом месте на втором этаже. Я веду взгляд мимо тренажерного зала в офис.

Тома я не вижу.

Я возвращаю свой взор в гостиную, где Кэтрин сейчас говорит по телефону. Впрочем, это не разговор. Она не делает пауз, чтобы дать собеседнику высказаться, и я предполагаю, что она записывает сообщение. Срочное, судя по всему. Кэтрин слегка сгорбилась, прижав руку ко рту, когда говорила в телефонную трубку, ее глаза бегают туда-сюда.

На другой стороне дома мое внимание привлекло движение.

Том.

Сейчас на первом этаже.

Выходит из кухни в столовую.

Медленно.

С осторожностью.

Его длинные, тихие шаги заставляют меня думать, что это попытка не быть услышанным. Его губы сжаты вместе, а подбородок выдвинут вперед, выражение его лица непроницаемо. Ему могло быть любопытно. Он мог быть обеспокоен.

Том пробирается в другой конец столовой, и вот они вдвоем теперь в поле моего зрения. Она все еще разговаривает, видимо, не обращая внимания на мужа, наблюдающего за ней из соседней комнаты. Только когда Том делает еще один шаг, Кэтрин осознает его присутствие. Она стучит по телефону, прячет его за спину, поворачивается к нему лицом.

В отличие от мужа, выражение на лице Кэтрин считывается легко.

Она поражена.

Тем более что Том подходит к ней. Не злой, нет. Он выглядит напряженным.

Он что-то говорит Кэтрин. Она говорит что-то в ответ. Она кладет телефон в задний карман, прежде чем поднять руки – жест невинности.

– Наслаждаетесь видом?

Звук чужого голоса – в этот час, в этом месте – так меня пугает, что я чуть не выронила бинокль во второй раз за день. Мне удастся удержать бинокль, когда я отрываю его от лица и, все еще трясясь, ищу источник голоса.

Это незнакомый мне человек.

Очень красивый мужчина.

Ему за тридцать, он стоит справа от крыльца на клочке сорной травы, служащей буфером между домом и лесом, расположенным рядом. Уместно, учитывая, как он одет, предположить, что он лесоруб. Как с пинап-календаря. Узкие джинсы, рабочие ботинки, фланелевая рубашка, обернутая вокруг узкой талии, широкая грудь, выпирающая из-под белой футболки. Свет вол-

шебного часа, отражающийся от озера, придает его коже золотистое сияние. Это сексуально и нелепо в равной мере.

Ситуация еще более странная. Я одета почти так же. Кроссовки Adidas вместо ботинок, и мои джинсы выглядят потертыми. Но я сама понимаю, как неряшливо я всегда одеваюсь, когда бываю на озере.

– Простите? – сказала я.

– Вид, – говорит он, указывая на бинокль, который я все еще держу в руках. – Видно что-нибудь интересное?

Внезапно – и справедливо – чувствуя себя виноватой, я положила бинокль на шаткий стол рядом с креслом-качалкой.

– Просто деревья.

Мужчина кивает.

– Листва в это время года прекрасна.

Я встаю, иду к концу крыльца и смотрю на него сверху вниз. Он подошел ближе к дому и теперь смотрит на меня с блеском в глазах, как будто точно знает, чем я занимаюсь.

– Не хочу показаться грубой, – говорю, – но кто вы и откуда пришли?

Мужчина делает полшага назад.

– Ты уверена, что не хотела показаться грубой?

– Может, и так, – отвечаю. – Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– Я Бун. Бун Конрад.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Это не может быть его настоящим именем.

– А пришел я оттуда.

Он мотает головой в сторону леса и дома, едва виднеющегося в двухстах ярдах за редкими деревьями. Участок Митчелла. Хижина А-образной формы, построенная в семидесятых годах, спряталась в небольшом изгибе берега озера. Летом единственная его часть, видимая из дома моей семьи, – это длинный причал, вдающийся в озеро.

– Ты гость Митчеллов? – спрашиваю я.

– Я у них, вроде как, наемный помощник, – говорит Бун. – Митчеллы сказали, что я могу остаться на пару месяцев, если поработаю пока у них здесь. Поскольку мы соседи, я решил зайти и представиться. Я бы сделал это раньше, но был слишком занят ремонтом пола в их столовой.

– Приятно познакомиться, Бун. Спасибо, что зашел.

Он делает паузу.

– Ты не представишься, Кейси Флетчер?

Я не удивлена, что он знает, кто я. Многие люди узнают меня в лицо, хотя иногда и не знают моего имени.

– Ты только что сделал это за меня.

– Извини, – говорит Бун. – Митчеллы сказали мне, что ваша семья владеет домом по соседству. Я просто не думал, что ты будешь здесь.

– Я тоже.

– На какое время ты планируешь остановиться здесь?

– Это зависит от моей матери, – говорю я.

На губах Буна играет хитрая ухмылка.

– Ты делаешь все, что велит тебе мама?

– Все, кроме того, чтобы не делать этого.

Я поднимаю свой стакан.

– А как долго ты будешь оставаться здесь?

– Подозреваю, еще несколько недель. Я здесь с августа.

– Я не знала, что Митчеллам нужно столько работы по дому.

– Честно говоря, нет, – говорит Бун. – Они просто делают мне одолжение после того, как я оказался в затруднительном положении.

Интригующий ответ. Это заставляет меня задаться вопросом, какова его сделка. Я не вижу обручального кольца, – видимо, моя новая навязчивая идея, – значит, он не женат. По крайней мере, не сейчас. Возможно, он недавно развелся. Жена получила дом. Ему нужно было место, где пожить. А тут подвернулись Дэвид и Хоуп Митчеллы, дружелюбная, но скучная пара пенсионеров, заработавшие деньги на фармацевтике.

– Как тебе жизнь на озере?

– Тихо, – говорит Бун, подумав несколько секунд. – Не пойми меня неправильно. Мне нравится тишина. Но, похоже, здесь ничего особенного не происходит.

Говорит как человек, чья супруга не была найдена мертвой на берегу озера четырнадцать месяцев назад.

– Нужно привыкнуть, – отвечаю я ему.

– Ты тоже здесь одна?

– Да.

– Тебе не одиноко?

– Иногда.

– Что ж, если тебе когда-нибудь станет скучно или тебе понадобится компания, ты знаешь, где меня найти.

Я замечаю его тон, где-то между дружелюбным и кокетливым. Это удивительно, но приятно для кого-то вроде меня, которая посмотрела слишком много рождественских фильмов на канале Hallmark. Так они всегда начинают. Измученная профессиональная женщина из большого города встречает сурового местного мужчину. Искры летят. Сердца тают. Оба живут долго и счастливо.

Единственная разница здесь в том, что Бун не местный, мое сердце слишком разбито, чтобы таять, да и долгого счастья не бывает. Есть только счастье в течение короткого периода времени, прежде чем все развалится.

Кроме того, Бун более привлекателен, чем безвкусные красавцы с канала Hallmark. Он не лощенный, как те актеры. Щетина на его подбородке немного непослушна, а мышцы, заметные под одеждой, довольно большие. Когда он с сонной сексуальной ухмылкой подкрепляет свое предложение компании, я понимаю, что Бун может доставить неприятности.

Или, может быть, я просто ищу неприятности. Черт, я думаю, что заслужила это. После смерти Лена я была близка только с одним мужчиной, бородатым рабочим сцены по имени Моррис, работавший над «Частицей сомнения». Какое-то время мы были собутыльниками после шоу, пока вдруг не переспали. Это был не роман. Мы не были заинтересованы друг в друге в этом смысле. Он был просто еще одним средством прогнать хандру. Я была для него тем же. Я ничего не слышала о Моррисе с тех пор, как меня уволили. Сомневаюсь, что когда-нибудь услышу.

А вот Бун Конрад – настоящий апгрейд по сравнению с Моррисом и его телом.

Я указываю на пару кресел-качалок позади меня.

– Если хочешь, можешь присоединиться и выпить вместе со мной.

– Я бы с удовольствием, – говорит Бун. – Но, к сожалению, я не думаю, что моя печень была бы слишком рада этому.

– Ой, – мое сердце падает в пятки. – Ты...

Бун прерывает меня торжественным кивком.

– Ага.

– Как давно ты не пьешь?

– Уже год.

– Молодец, – выдавливаю я.

Я чувствую себя ужасным человеком, если уж спросила алкоголика, не хочет ли он выпить, хотя я и не знаю точно, что у него за проблемы. Но Бун определенно знает о моих проблемах. Я понимаю это по тому, как он смотрит на меня с прищуром и беспокойством.

– Это тяжело, – говорит он. – Каждый день – это вызов. Но я живое доказательство того, что можно прожить жизнь без выпивки.

Я крепче сжимаю бокал с бурбоном.

– Моя жизнь не такая.

После этого больше мне нечего сказать. Бун рассказывает мне о том, как можно бросить пить за двенадцать шагов, и я подозреваю, что эта проповедь и есть настоящая причина, по которой он зашел ко мне. Я выражаю явное отсутствие интереса. Теперь ничего не остается делать, как идти своей дорогой.

– Думаю, мне пора идти.

Бун слегка машет рукой и направляется в сторону леса. Прежде чем скрыться из виду, он бросает на меня взгляд через плечо и добавляет:

– Мое предложение остается в силе, кстати. Если ты почувствуешь себя одинокой, заходи. В доме может и не быть спиртного, но я могу приготовить неплохой горячий шоколад, а еще в доме много настольных игр. Однако я должен предупредить тебя, что я не жалею «Монополию».

– Я буду иметь это в виду, – говорю я, имея в виду «спасибо», но не говорю «спасибо». Несмотря на внешность Буна, я уже не уверена, что хорошо проведу с ним время. Я хреново играю в «Монополию» и предпочитаю напитки покрепче, чем горячий шоколад Swiss Miss.

Бун снова машет рукой и бредет сквозь деревья, возвращаясь к дому Митчеллов. Глядя, как он уходит, я не чувствую ни капли раскаяния. Конечно, я могла бы провести несколько ночей с парнем по соседству. Если это было его намерением. Но я не хочу мириться с тем, что мне постоянно будут напоминать о том, что я слишком много пью.

Да, я пью.

Но по уважительной причине.

Однажды я читала биографию Джоан Кроуфорд, в которой цитировались ее слова: «Алкоголизм – это профессиональный риск для актера, вдовы и одиночки. А я три в одном».

Ок, у меня та же петрушка, Джоан.

Но я не алкоголик. Я могу бросить в любой момент. Я просто не хочу.

Чтобы доказать это себе, я поставила бурбон на стол, держа руку близко к стакану, но не касаясь его. Затем я жду, наблюдая, как долго я продержусь, прежде чем сделать глоток.

Секунды тикают, я считаю каждую в уме так же, как я делала это, когда была девочкой, и Марни хотела, чтобы я замерила, как долго она сможет оставаться под водой, прежде чем всплывет.

Раз Миссисипи. Два Миссисипи. Три Миссисипи.

Я добираюсь ровно до сорока шести штатов Миссисипи, прежде чем вздохнуть, схватить стакан и сделать глоток. Когда я сглатываю, меня посещает мысль. Одно из тех озарений, которые я обычно запиваю, чтобы забыться.

Может быть, я не ищу неприятностей.

Может быть, я сама ходячая неприятность.

Солнце уже скрылось за горизонтом к тому времени, когда я возвращаю свой взгляд на Эли. В бинокль, который я снова взяла в руки вскоре после ухода Буна, я вижу, как он возвращается к своему грузовику с сумкой с продуктами, а затем возвращается к себе домой за картонной коробкой. Когда он забирается в грузовик, я слежу за светом фар, пока он едет по дороге, огибающей озеро.

Я кладу бинокль, когда фары выходят на участок дороги, невидимый с заднего крыльца, и иду к передней части дома. Я подхожу как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эли съезжает на подъездную дорожку и выходит из грузовика.

В те времена, когда он был в списках бестселлеров, Эли выглядел эффектно в твидовом пиджаке и темных джинсах. Однако последние три десятилетия он живет в стиле Хемингуэя. Вязаные свитера, вельвет и густая белая борода. Схватив картонную коробку из кузова грузовика, он напоминает деревенского Санта-Клауса, несущего подарки.

– Твой заказ, – говорит он, передовая коробку мне в руки.

Внутри, звеня, как колокольчики, находится дюжина бутылок разных цветов. Глубокий малиновый цвет «пино-нуар». Медово-коричневый цвет бурбона. Первозданная прозрачность сухого джина.

– Расслабься, – говорит Эли. – На этой неделе я уже не поеду в город. Но ты не говори своей матери, что я снабжаю тебя бутылками, иначе я тебя убью. Последнее, что мне нужно в этой жизни, – это сердитый телефонный звонок от Лолли Флетчер, говорящий, что я плохо на тебя влияю.

– Но ты плохо на меня влияешь.

Эли улыбается.

– Рыбак рыбака видит издалека.

Конечно, он знает меня как облупленную. В моем детстве я называла Эли летним дядей, кем он и был со Дня Памяти до Дня труда, а в остальное время года я почти забывала про него. Такое положение вещей сильно изменилось во взрослой жизни, когда я стала реже бывать на озере Грин. Иногда между визитами проходили годы, но всякий раз, когда я возвращалась, Эли все еще был здесь, встречал меня с теплой улыбкой, крепкими объятиями и всем, что мне было нужно. В детстве он показывал мне, как разводить костер и правильно жарить зефир. Теперь же он делает для меня незаконные походы в винный магазин.

Мы проходим в дом, я несу коробку с бутылками, а Эли несет сумку с продуктами. На кухне все распаковываем и готовим ужин. Это часть сделки, которую мы заключили в мою первую ночь здесь: я готовлю ужин каждый раз, когда он приносит мне выпивку.

Мне это нравится, и дело не только в алкоголе. Эли – хорошая компания, и приятно, когда есть, для кого готовить. Когда я одна, я не готовлю, а перекусываю на скорую руку. Сегодняшний ужин состоит из лосося, жареного желудевого сквоша и дикого риса. Когда все распаковано и налито два бокала вина, я разогреваю духовку и приступаю к готовке.

– Я встретила соседа, – говорю я, беру самое большое и острое лезвие из деревянного блока ножей на столешнице и начинаю резать желудевую тыкву. – Почему ты не сказал мне, что в доме Митчелла кто-то остановился?

– Я не думал, что тебя это интересует.

– Конечно, меня это интересует. На этой стороне озера всего два дома. Если кто-то находится в соседнем доме – особенно незнакомец – я хотела бы знать об этом. В доме Фицджеральдов есть кто-то, о ком мне нужно знать?

– Насколько мне известно, дом Фицджеральда пустует, – говорит Эли. – Что касается Буна, я подумал, что будет лучше, если вы двое не встретитесь.

– Почему?

Думаю, я уже знаю ответ. Эли встретил Буна, узнал, что он выздоравливающий алкоголик, и решил, что будет разумно держать меня подальше от него.

– Потому что его жена умерла, – вместо этого говорит Эли.

От неожиданности я перестаю резать тыкву и ложу нож на стол.

– Когда?

– Полтора года назад.

Поскольку Бун сказал мне, что он не пьет уже год, я полагаю, что шесть месяцев после смерти его жены были саморазрушительным пятном в его жизни. Ситуация не совсем такая, как у меня, но достаточно близкая, чтобы я почувствовала себя гадко из-за того, как повела себя с ним.

– Как? – продолжаю я задавать свои вопросы.

– Я не спрашивал, а он мне не говорил, – ответил Эли. – Но, наверное, я подумал, что будет лучше, если вы двое не будете пересекаться. Я боялся, что это вызовет плохие воспоминания. Для вас обоих.

– Плохие воспоминания всегда здесь, – говорю я. – Они повсюду, куда бы я ни посмотрела.

– Тогда, может быть... – Эли делает паузу. Короткую. Словно вздохнул перед тем, как сказать мне что-то неприятное. – Может быть, я думал, что ты не окажешь на него хорошего влияния.

Вот оно что. Неприятная правда была сказана. Даже если я подозревала об этом, однако услышать мне это было не очень по душе.

– Говорит человек, который только что принес мне ящик выпивки, – сказала я.

– Потому что ты попросила меня об этом, – ошетинившись, ответил Эли. – Я не осуждаю тебя, Кейси. Ты взрослая женщина. Выбор, который ты делаешь, меня не касается. Но Бун Конрад уже не пьет год. Я боялся, что ты его соблазнишь.

– Ясно, – киваю я.

Он кивает в ответ, немного смущаясь.

– Так что, возможно, будет лучше, если вы будете держаться подальше друг от друга. Ради вас обоих.

Несмотря на то, что меня задело то, что он сказал, я склонна согласиться с Эли. У меня есть свои причины пить, а у Буна – свои, чтобы не пить. Какими бы они ни были, я уверена, что они несовместимы с моими.

– Договорились, – я жму ему руку. – А теперь верни мне мою руку. Ужин сам себя не приготовит.

Остаток вечера проходит в туманных разговорах невысказанных обид.

Я закончила готовить.

– Как прошло лето? – спрашиваю я, накрывая на стол.

– Спокойно, – ответил Эли. – Нечего рассказывать. В соседних районах тоже без происшествий. Хотя до сих пор не нашли ту девочку, которая утонула в озере Мори прошлым летом. И никаких следов того, кто пропал два года назад.

Я выпиваю свой бокал вина и наливаю другой.

– Похоже, что буря надвигается, – говорит Эли, пока мы едим.

– Какая буря?

– Ураган, обрушившийся на Северную Каролину. Ты новости не смотришь?

Нет. В последнее время я не смотрела новостей.

– Ураган? Здесь?

В последний раз, насколько я помню, что-то подобное здесь происходило во время урагана Сэнди, который прошелся по северо-востоку. Озеро Грин было обесточено две недели.

– Триш, – говорит Эли. – Вот как они его называют.

– Это веселое название для урагана.

– Сейчас это просто тропический шторм, но достаточно сильный. Похоже, он дойдет до нас к концу недели.

Эли выпивает еще один бокал вина.

Я доливаю ему и себе.

После ужина мы выходим на крыльцо и плюхаемся в кресла-качалки, потягивая кофе из дымящихся кружек. Ночь полностью уже опустилась на озеро, превратив воду в иссиня-черную гладь, переливающуюся звездным светом.

– Боже, как прекрасно, – говорю я мечтательным голосом, потому что слегка пьяна. Всего в одном шаге от состояния «навеселе». Золотая середина между онемением и способностью функционировать.

Достичь этого состояния легко. А вот долгое пребывание в нем чревато последствиями.

Инструкция следующая: все начинается около полудня, с первой настоящей рюмки за день. Утро отведено для кофе, сметающего паутину предыдущей ночи, и для воды. Пить много воды очень важно, чтобы погасить похмелье.

А с полудня надо начинать движение. В качестве первого напитка дня я предпочитаю две большие порции водки, залпом выпитые. Сильный двойной удар, чтобы притупить чувства.

Остаток дня посвящен бурбону, который подается со льдом в стабильной дозе. Ужин проходит с вином. стакан, или два, или три. Это заставляет меня чувствовать себя мягче и расслабленно – на грани полного опьянения. Вот тогда кофе снова идет в дело. Крепкая чашка кофе спасает меня от крайнего опьянения, но при этом не притупляет полностью мой кайф. Наконец, перед сном, обычно по традиции, надо тяпнуть еще одну рюмку.

Или две, если я не могу сразу уснуть.

Или три, если я по-прежнему не могу уснуть.

Даже когда Эли сидит рядом со мной, я думаю о том, что выпью, когда он уйдет.

На другой стороне озера у задней двери дома Ройсов вспыхивает свет, заливая патио теплым белым сиянием. Я наклоняюсь вперед и прищуриваюсь, видя, как из дома выходят два человека и направляются к пристани. Вскоре после этого зажигается еще одна лампочка, на этот раз в виде прожектора в передней части их лодки. Низкий рокот подвесного мотора эхом отдается от деревьев.

– Я думаю, к тебе едут гости, – говорит Эли.

Он может быть прав. Прожектор становится все ближе, когда лодка мчится прямо по воде в сторону моего причала.

Я поставила свой кофе.

– Чем больше, тем веселее, – говорю я.

Ройсы прибывают на старинной моторной лодке с панелями из красного дерева, спортивной и элегантной. На такой лодке, я уверена, разъезжает Джордж Клуни, когда останавливается в своем палаццо на озере Комо. Наблюдая за тем, как такая лодка приближается к потрепанной и выцветшей моторной лодке моей семьи, чувствуешь себя так, словно сидишь на светофоре и смотришь, как Bentley Continental останавливается рядом с твоим Ford Pinto.

У Ройсов, кстати, он тоже есть. «Бентли», я имею в виду, а не «Пинто». Эли рассказал мне об этом за ужином.

Я приветствую их на пристани, я намного более навеселе, чем сначала думала. Чтобы не покачнуться, я ставлю обе ноги на причал и выпрямляю позвоночник. Когда я машу рукой, то это получается у меня довольно экспрессивно.

– Какой приятный сюрприз! – кричу я, как только Том выключает мотор лодки и подводит ее к причалу.

– Я решила вернуть твое одеяло! – говорит в ответ Кэтрин.

Ее муж держит в руках две бутылки вина.

– А я прихватил с собой Pauillac Bordeaux 2005 года!

Мне это ни о чем не говорит, кроме того, что это звучит дорого, и что я определенно не буду ждать, пока Эли уйдет, чтобы выпить еще.

Кэтрин выпрыгивает из лодки, пока ее муж привязывает ее к причалу. Она протягивает мне одеяло так, как будто это атласная подушка с тиарой сверху.

– Я его постирала и высушила, – говорит она, передавая мне в руки. – Спасибо большое тебе за полотенце.

Я подворачиваю одеяло под одну руку и пытаюсь поздороваться с Кэтрин другой. Она меня удивляет: вместо того, чтобы пожать мне руку в ответ, она меня обнимает и целует в обе щеки, как будто мы старые друзья, а не два человека, которые встретились посреди озера несколько часов назад. Теплое приветствие приносит с собой приступ вины за то, что я следила за ними.

Когда Том подходит ко мне, я не могу не думать о том, как он выглядел, когда подслушивал свою жену.

Именно это он и делал.

Подслушивал. Подслушивал. Шпионил за ней так же откровенно, как я шпионила за ними. И все это с непроницаемым выражением лица.

– Извини, что зашли без предупреждения, – говорит он совсем без сожаления.

В отличие от своей жены, он соглашается на рукопожатие. Его хватка довольно крепкая и нетерпеливая. Когда он трясет мою руку, я чуть не теряю равновесие. Теперь я знаю, что Марни имела в виду под «экспрессивный». Его дружеское рукопожатие больше напоминает беззастенчивую демонстрацию силы. Он смотрит на меня, его глаза такие темные, почти что черные.

Интересно, как бы он определил мои глаза, когда я смотрю на него в своем слегка пьяном состоянии. Стекланные, наверное. Лицо мое покраснелось. Пот выступает на лбу вдоль линии волос.

– Спасибо, что пришли сегодня на помощь Кэтрин.

Голос Тома низкий, возможно, поэтому его слова звучат неискренне. Такой баритон не оставляет места для нюансов.

– Мне невыносимо думать, что случилось бы, если бы тебя не было рядом, если бы не спасла ее.

Я смотрю на крыльцо, где у перил стоит Эли. Он выгибает брови, молча отчитывая меня за то, что я не упомянула об этом за ужином.

– Ничего, – говорю я. – Кэтрин в значительной степени спасла себя сама. Я только предоставил лодку, которая доставила ее домой.

– Она врет.

Кэтрин обнимает меня за талию и ведет по пристани, как хозяйка положения. Через плечо она говорит мужу:

– Просто Кейси ведет себя скромно. Она меня спасала, но не хочет об этом говорить.

– А я говорил ей не купаться в озере, – сказал Том. – Это слишком опасно. Там тонули люди.

Кэтрин смотрит на меня с полным огорчением.

– Мне очень жаль, – говорит она мне, прежде чем повернуться к мужу. – Боже, Том, ты всегда должен говорить не то, что надо?

Ему требуется еще секунда, чтобы понять, что она имеет в виду. Но вот он осознает ситуацию и начинает чертыхаться.

– Вот, черт! – говорит он. – Я идиот, Кейси. Действительно. Прости. Я не подумал.

– Все в порядке, – говорю я, выдавливая улыбку. – Ты не сказал ничего, что было бы неправдой.

– Спасибо за понимание, – говорит Кэтрин. – Том был бы опустошен, если бы ты злилась на него. Он ведь твой фанат.

– Это правда, – говорит он. – Мы видели тебя в спектакле «Частица сомнения». Ты была потрясающей. Просто фантастика.

Мы достигаем ступенек крыльца, Кэтрин и я взбираемся по ним вместе, Том за нами. Он так близко, что его дыхание касается моего затылка. Я снова думаю о нем, крадушемся по первому этажу их дома. Я украдкой смотрю на Кэтрин, вспоминая, как она выглядела, когда заметила своего мужа, притаившегося на краю столовой.

Испугалась.

Сейчас она не кажется напуганной, что заставляет меня сомневаться, что была искренней. Скорее всего, она тогда просто была удивлена, и я совершенно неверно истолковала ситуацию. Это было не в первый раз.

На крыльце Эли приветствует Ройсов с соседской фамильярностью, которые знают друг друга уже целое лето.

– Не думал, что увижу вас снова до следующего лета, – говорит он.

– Это была импровизированная поездка, – говорит ему Том. – Кэти скучала по озеру, а я хотел насладиться зрелищем осеннего листопада.

– Как долго вы планируете оставаться?

– Посмотрим, как получится. Неделя. Может две.

– Я все еще думаю, что нам следует остаться подольше, – говорит Кэтрин. – Здесь так хорошо!

Эли проводит рукой по своей белоснежной бороде.

– На самом деле, хуже, чем ты думаешь. Озеро сейчас выглядит спокойным, но внешность может быть обманчивой. Потому что впереди нас ожидает шторм.

Их светская беседа заставляет меня чувствовать себя аутсайдером, хотя моя семья владеет домиком на озере Грин дольше всех. Я думаю о том, что могло бы быть, если бы Лен не умер, и мы бы жили здесь постоянно.

Возможно, таких импровизированных сборищ было бы больше.

Может быть, я бы не смотрела на бутылки с вином в руке Тома с такой жадной.

– Я возьму стаканы и штопор, – говорю.

Я вхожу в дом и обнаруживаю, что штопор все еще лежит на обеденном столе. Затем я иду к винному шкафу и беру четыре чистых бокала.

На крыльце продолжается светская беседа, и Эли спрашивает их:

– Как вам ваш новый дом?

– Мы обожаем его, – говорит Том. – Идеальный. Последние несколько сезонов лета мы проводили в этом районе. Брали в аренду каждый год какой-нибудь домик на соседнем озере. Когда мы, наконец, решили купить дом, мы не могли поверить в свою удачу, когда наш риелтор сказал нам, что на озере Грин продается недвижимость.

Я возвращаюсь на крыльцо со штопором и бокалами в руках. Я раздаю бокалы всем, кроме Эли, который отказывается, качая головой и многозначительно глядя на меня, как будто имеет в виду, что и мне не следует пить.

Я делаю вид, что не замечаю его намеков.

– У тебя ведь тоже есть дом в городе, верно? – спрашиваю я Кэтрин.

– Квартира в Верхнем Вест-Сайде.

– Угол Центрального парка Вест и 83-й улицы, – добавляет Том, а жена, посмотрев на него, закатила глаза.

– Том – сторонник статуса, – говорит она, когда ее внимание привлекает бинокль, стоящий рядом со стулом. – Ух, ты. У меня был такой же.

– У тебя? – удивляется Том и на его стальном гладком лбу появляются две борозды. – Когда?

– Некоторое время назад, – Кэтрин поворачивается ко мне. – Ты за птицами наблюдаешь?

– Когда? – не унимается Том, требуя от жены ответа.

– Раньше. До того, как мы встретились. В прошлой жизни уже.

– Ты никогда не говорила мне, что любишь птиц, – говорит Том.

Кэтрин поворачивается лицом к воде.

– Мне они всегда нравились. Ты просто никогда не замечал.

С другой стороны крыльца Эли бросает на меня еще один взгляд. Он тоже заметил напряжение между ними. Это невозможно пропустить. Том и Кэтрин кажется полны противоречий и разногласий, и это высасывает всю энергию вокруг, на крыльце становится жарко. Или, может быть, это только я так чувствую, потому что опьянела. В любом случае, чтобы разрядить обстановку, я обращаю внимание на себя.

– У меня есть идея, – говорю я. – Давайте выпьем вина у костра.

Эли потирает руки и говорит:

– Отличное предложение.

Мы покидаем крыльцо, спускаемся по ступеням на уровень земли и в небольшой дворик, приютившийся между берегом озера и внутренним углом дома. В центре – место для костра, окруженное адирондакскими стульями, где я провела много детских летних ночей. Эли, знакомый с этой местностью, берет несколько бревен из поленицы, сложенной у дома, и начинает разводить костер.

Вооружившись штопором, я тянусь к винным бутылкам, которые все еще находятся в руках Тома.

– Позвольте мне, пожалуйста, – говорит он.

– Я думаю, Кейси знает, как открыть бутылку вина, – говорит Кэтрин.

– Но бутылка за пять тысяч долларов.

Кэтрин качает головой, еще раз смотрит на меня извиняющимся взглядом и говорит:

– Видишь? Он неисправим.

– Я не возражаю, – говорю я, больше не желая держать в руках бутылку теперь, когда я знаю, насколько она безумно дорога. – Или мы могли бы открыть одну из моих. Вы должны сохранить это вино для особого случая.

– Ты спасла жизнь моей жене, – говорит Том. – Для меня это событие и есть особый случай.

Он подходит к ступенькам крыльца, используя их как импровизированный бар. Повернувшись к нам спиной, он говорит:

– Наливать это вино нужно именно так. Позвольте ему дышать.

Позади нас Эли развел костер. Маленькие языки пламени ползают по бревнам, прежде чем перерасти в более крупные. Вскоре древесина издает приятный треск костра, а искры кружатся в ночном небе. Все это навеивает воспоминания. Я и Лен в ночь перед его смертью. Пить вино у огня и говорить о будущем, не понимая, что будущего нет.

Не для нас.

Точно не для Лена.

– Кейси?

Это Том протягивает мне бокал вина за пять тысяч долларов. В обычных обстоятельствах я бы нервничала, делая первый глоток. Но, охваченная печальным воспоминанием, я выпиваю половину бокала залпом.

– Сначала ты должна его понюхать, – говорит Том одновременно раздраженный и оскорбленный тем, что я не умею правильно пить это вино. – Покрути его в бокале, приблизь к носу и понюхай. Обоняние подготавливает ваш мозг к тому, что вы собираетесь попробовать.

Я делаю, как он мне говорит, поднося бокал к носу и глубоко вдыхая.

Пахнет так же, как любой другой бокал вина, который я выпивала в своей жизни. Ничего особенного.

Том протягивает Кэтрин бокал и говорит нам обоим сделать маленький глоток и насладиться им. Я пробую вновь, предполагая, что вкус вина будет соответствовать его цене. Да, хорошее вино, но не на пять тысяч долларов.

Вместо того чтобы нюхать и смаковать, Кэтрин подносит бокал к губам и опустошает его одним глотком.

– Упс, – говорит она. – Думаю, мне нужно начать сначала.

Том хочет сказать что-то в ответ, но передумывает, берет ее бокал. Сквозь стиснутые зубы он говорит:

– Конечно, дорогая.

Он возвращается к ступенькам, спиной к нам, стигая один локоть, когда наклоняет бутылку, а другую руку он держит в кармане. Он наполняет бокал Кэтрин до краев и немного вращает его круговыми движениями.

– Помни, надо смаковать, – говорит он ей. – Другими словами, не останавливайся на достигнутом.

– Я в порядке.

– Твой тилт говорит об обратном.

Я смотрю на Кэтрин, которая слегка скривила улыбочку.

– Расскажи мне о том, что произошло сегодня на озере, – говорит Эли.

Кэтрин вздыхает и опускается в адирондакское кресло, подогнув под себя ноги.

– Я все еще не уверена. Я знаю, что в это время года вода холодная, но я ничего не могу с этим поделать. Я хотела поплавать. И я знаю, что могу переплыть озеро туда и обратно, потому что делала это все лето. Но сегодня на полпути просто замерла. Как будто все мое тело окоченело.

– Это была судорога?

– Может быть? Все, что я знаю, это то, что я бы утонула там, если бы Кейси меня не заметила. Как та девочка, которая исчезла в озере Мори прошлым летом. Как ее звали?

– Сью Эллен, – торжественно говорит Эли. – Сью Эллен Страйкер.

– Тем летом мы с Томом снимали там дом, – говорит Кэтрин. – Все это было так ужасно.

Они уже нашли ее?

Эли качает головой.

– Нет.

Я делаю глоток вина и закрываю глаза, пока оно течет по моему горлу, слушая, как Кэтрин снова говорит:

– Так ужасно.

– Купайтесь только ночью, – произносит Эли. – Это мне мама сказала.

И это то, что Эли говорил мне и Марни каждое лето, когда мы были детьми. Совет, который мы игнорировали, часами плескаясь и плавая под палящим солнцем. Только после захода солнца нас пугало озеро, его черные глубины казались еще темнее под пеленой ночи.

– А она услышала это от своей матери, – продолжает Эли. – Моя бабушка была очень суеверной женщиной. Она выросла в Восточной Европе. Верила в призраков и проклятия. Мертвые пугали ее.

Я сажусь в кресло рядом с ним, чувствуя легкое головокружение, как от вина, так и от темы разговора.

– Эли, пожалуйста. После того, что сегодня случилось с Кэтрин, я не уверена, что кто-то хочет слышать об этом прямо сейчас.

– Я не против, – говорит Кэтрин. – На самом деле мне нравится рассказывать истории о привидениях у костра. Это напоминает мне о летнем лагере. Я была девочкой из лагеря «Найтингейл».

– И мне любопытно, почему ночью плавать лучше, чем днем, – говорит Том.

Эли дергает головой в сторону озера.

– Ночью не видно своего отражения в воде. Столетия назад, до того, как люди узнали об этом, было распространено мнение, что отражающие поверхности могут заманивать в ловушку души умерших.

Я смотрю в свой бокал и вижу, что Эли ошибается. Несмотря на то, что сейчас ночь, мое отражение отчетливо видно, покачиваясь на поверхности вина. Чтобы оно исчезло, я опустошаю бокал. Наслаждение к черту.

Том не замечает меня, слишком заинтригованный тем, что только что сказал Эли.

– Я читал об этом. В викторианскую эпоху люди застилали все зеркала после того, как кто-то умер.

– Да, – говорит Эли. – Но они беспокоились не только о зеркалах. Любая отражающая поверхность способна пленить душу.

– Как озеро? – говорит Кэтрин с улыбкой в голосе.

Эли касается кончика носа.

– Точно.

Я думаю о Лене и содрогаюсь всем телом. Внезапно забеспокоившись, я встаю, подхожу к бутылке с вином на ступеньках крыльца и наливаю себе еще стакан.

Я выпиваю его в три глотка.

– И так думали не только викторианцы и их суеверные родственники в Восточной Европе, – говорит Эли.

Я снова тянусь к бутылке. Она пуста, последние капли вина капают в мой бокал, как капли крови.

Позади меня Эли продолжает говорить.

– Племена, которые жили в этой местности задолго до прибытия европейских поселенцев...

Я беру вторую бутылку вина, все еще закупоренную, что раздражает меня почти так же сильно, как слова Эли.

– ...верили, что эти пойманные в ловушку души могут настигнуть души живых...

Вместо того чтобы попросить Тома вскрыть бутылку, я беру штопор, втыкаю его в бутылку вина за пять тысяч долларов, и плевать я на это хотела.

– ...и что, если бы вы увидели свое собственное отражение в этом самом озере после того, как в нем недавно кто-то умер...

Штопор выпадает из моей руки, соскальзывая между ступенями в заросли сорняков за лестницей.

– ...это означало, что ты позволил овладеть собой.

Я с треском ставлю бутылку, что даже ступеньки крыльца захрустели.

– Ты заткнешься насчет озера или нет?

Я не хочу показаться такой рассерженной. На самом деле, я вообще не хочу ничего говорить. Слова просто вырываются из меня, подпитываемые огненной смесью алкоголя и беспокойства. Все вдруг разом замолчали. Все, что я слышу, это ровное потрескивание костра, и уханье совы на деревьях где-то на берегу озера.

– Прости, – мягко говорит Эли, осознавая, что все эти разговоры про озеро нетактичны по отношению ко мне. – Ты права. Эта ерунда никому не интересна.

– Нет, я не то хотела сказать. Просто...

Я замолкаю, не зная, что сказать.

До меня доходит, что я пьяна. Сильно пьяна. Меня шатает. В страхе, что я сейчас упаду, я крепко схватилась за ступеньки крыльца.

– Я не очень хорошо себя чувствую.

Сначала я думаю, что это говорю я. Непроизвольная вспышка сознания. Я не сразу осознаю, что не открываю рот, не двигаю губами, и говорю все-таки не я.

И затем слышу другие слова – «Совсем нехорошо» – и я понимаю, что они исходят не от меня, а от Кэтрин.

– В чем дело? – говорит Том.

– У меня голова кружится.

Кэтрин стоит, покачиваясь, как согнутая ветром сосна.

– Так кружится голова.

Пошатываясь, она отошла от кострища в сторону озера.

Бокал выпадает из ее руки и падает на землю, разбиваясь.

– О, – рассеянно говорит она.

Затем, внезапно и без предупреждения, она падает в траву.

Полночь.

Я одна на крыльце, завернутая в то самое одеяло, которое Кэтрин вернула ранее. Я уже протрезвела, поэтому в руке у меня пиво. Мне нужно что-то, что поможет мне уснуть; иначе этого никогда не произойдет. Даже выпив немного, я редко сплю всю ночь.

Не здесь.

С тех пор, как Лен умер.

Бун был прав, когда сказал, что озеро слишком тихое. Это так. Особенно в этот час, когда ровную ночную тишину нарушают лишь редкие крики гагары или ночного животного, спящего в подлеске вдоль берега.

Захваченная этой тишиной, я смотрю на озеро.

Я делаю глоток пива.

Я стараюсь не думать о своем умершем муже, хотя это всегда тяжело.

Прошло несколько часов с тех пор, как все ушли. Вечеринка прекратилась сразу после того, как Кэтрин потеряла сознание и упала в траву. Ройсы ушли первыми; Том, бормоча извинения, повел опьяненную Кэтрин по пристани. Несмотря на то, что она пришла в себя всего через несколько секунд, я все еще была обеспокоена. Я предложила ей прилечь и выпить кофе, но Том настоял на том, чтобы немедленно отвезти Кэтрин домой.

– На этот раз ты действительно опозорилась, – прошипел он ей, прежде чем завести моторную лодку и умчаться прочь.

Услышав этот нелестный комментарий, я почувствовала жалость к Кэтрин, которая явно была пьяна сильнее, чем я думала. Затем я почувствовала себя виноватой за то, что я жалею ее. Кто я такая, чтобы ее жалеть, и уж тем более осуждать? Мне ли осуждать Кэтрин Ройс за то, что она слишком много выпила?

С другой стороны, Том ушел в такой спешке, что забыл вторую бутылку вина за пять тысяч долларов. Я нашла ее на ступеньках крыльца и поставила в винный шкаф.

Эли посидел еще немного, погасил огонь и собрал из травы осколки разбитого бокала.

– Оставь это, – сказала я ему. – Завтра я все уберу, когда светло будет.

– Ты в порядке? – спросил Эли, когда я провожала его вокруг дома к грузовику.

– Я буду в порядке, – сказала я. – Сейчас я чувствую себя намного лучше, чем Кэтрин.

– Я имел в виду другое.

Он остановился, глядя на усыпанную гравием подъездную дорожку под ногами.

– Прости, что так разговорился об озере. Я просто пытался развлечь их. Я не хотел тебя расстраивать.

Я обняла Эли.

– Да, но все нормально.

И тогда все действительно было нормально. Но не сейчас, поскольку мысли о Лене скользят в моей голове так же плавно, как гагары на озере. Когда моя мать выслала меня сюда, я не протестовала. Она была права. Мне нужно залечь на дно на несколько недель. Кроме того, я думала, что смогу справиться с этим. Я прожила больше года в квартире, которую делила с Леном. Я не думала, что дом у озера может быть хуже.

Тем не менее, здесь мне хуже.

Потому что это место, где умер Лен.

Здесь я овдовела, и все здесь – дом, озеро, чертова голова лося в гостиной – напоминает мне об этом. И так будет всегда, пока я жива.

Или трезвая.

Я делаю еще глоток пива и осматриваю береговую линию на другом берегу озера. От дома Фицджеральдов до дома Ройсов и дома Эли – все темно. Густой туман поднимается от самого озера, лениво катясь к земле степенными волнами. Каждая скользит к берегу и окружает опорные балки под крыльцом, подобно морской пене, разбивающейся о пилоны пирса.

Я смотрю на туман, загнипнотизированная, когда звук нарушает ночную тишину.

Скрипнула дверь, за ней последовали шаги по дереву.

Звуки идут справа от меня, со стороны дома Митчеллов.

Еще через несколько секунд появляется Бун Конрад – тонкий силуэт, направляющийся к причалу Митчеллов.

Бинокль по-прежнему стоит на столе рядом с моим стулом. Я подношу их к глазам и рассматриваю Буна поближе. Он достиг края причала и стоит там только в полотенце, подтверждая мое первое впечатление о нем.

Бун Конрад чертовски красив.

Несмотря на то, что Эли посоветовал мне держаться подальше от Буна, что я понимаю, но он ничего не сказал о том, что нельзя смотреть на него. Что я и делаю, чувствуя приступ вины, продолжаю наблюдать за ним в бинокль.

Этот приступ вины превращается в боль, и даже в нечто большее, когда Бун ослабляет полотенце и позволяет ему упасть на причал, полностью оголяя его тело.

Я опускаю бинокль.

Затем снова поднимаю.

Я знаю, что подглядывать за кем-либо без ведома – это аморально. Особенно когда этот кто-то голый.

Это неправильно, думаю я, но продолжаю смотреть. Ах, как нехорошо я поступаю.

Бун стоит на причале, на фоне лунного света, из-за чего его бледное тело кажется светящимся. Затем он оглядывается через плечо, словно проверяя, смотрю ли я. Я все еще наблюдаю, но он не может этого знать. Он слишком далеко, и свет здесь выключен, и я прячусь во тьме. Тем не менее, на губах Буна все равно мелькает ухмылка, возбуждающая и вызывающая стыд в равной мере.

Затем, постояв немного на пристани и покрасовавшись, он ныряет в воду. Несмотря на то, что вода в озере сейчас должна быть холодная, кажется, что она, тем не менее, не холоднее прохладного ночного воздуха. А даже если это не так, Бун не обращает на это внимания. Его голова высовывается из воды примерно в десяти футах от причала. Он встряхивает воду с лохматых волос, и продолжает плыть. На середине озера я вижу пар, исходящий от его теплого тела. Мне нравится игривый стиль плавания Буна. Я вспоминаю себя в детстве, как я ныряла в этом озере. Тем временем Бун снова ныряет под воду и всплывает на спине, глядя в звездное небо.

Он выглядит если не счастливым, то, по крайней мере, умиротворенным.

Ему повезло, думаю я, поднося бутылку с пивом к губам и делая большой глоток.

Что-то вдруг привлекает внимание Буна. Он поднимает голову к противоположному берегу в сторону дома Ройсов, где загорелся свет.

Второй этаж.

Кухня.

Я отвожу бинокль от Буна и перевожу взгляд на дом. Я вижу Кэтрин, одетую в атласную пижаму. Она шатается на кухне, как будто понятия не имеет, где находится.

Я хорошо знаю это чувство.

Ее руки наводят суету: двигаются по стенам, перебирают стулья. Глядя, как Кэтрин открывает кухонные шкафы в поисках чего-то, меня переполняют знакомые ощущения. Я тоже много ночей подряд вела себя подобным образом. Но это другой человек. Другая кухня. Но пьяное состояние то же самое.

Кэтрин находит то, что ищет – стеклянный стакан – и подходит к раковине. Я киваю, рада видеть, что она знает, как важно пить много воды после ночной пьянки.

Она наполняет стакан; едва сделав глоток, ее внимание переключается на окошко над раковиной. Кэтрин смотрит прямо перед собой, и на долю секунды мне кажется, что она смотрит прямо на меня, хотя это невозможно. Как и Бун, она не может меня видеть. Не с другой стороны озера.

И все же Кэтрин не отводит взгляда от меня. Я вижу, как она касается своего лица, проводя пальцами от щеки к подбородку.

Я поняла.

Она не смотрит на меня.

Она рассматривает свое отражение в окне.

Кэтрин какое-то время стоит так, замороженная увиденным, прежде чем вернуться к стакану с водой. Откинув голову назад, она опорожняет стакан и снова наполняет его. Сделав еще несколько жадных глотков, она ставит стакан на место и выходит из кухни, ее походка стала более уверенной.

Свет на кухне гаснет.

Я снова поворачиваюсь к причалу Митчеллов, надеясь еще раз увидеть Буна. К моему разочарованию, его больше нет. Пока я наблюдала за Кэтрин, он выбрался из воды, схватил свое полотенце и вернулся в дом.

Облом.

Теперь я снова одна, а рядом тьма и дурные мысли, плывущие, как туман над озером.

Я поправляю одеяло на плечах, допиваю пиво и встаю, чтобы принести еще одну бутылку.

Самое худшее в чрезмерном употреблении алкоголя – если не считать того, что вы пьете слишком много – это следующее утро, когда все, что вы выпили прошлой ночью, возвращается, чтобы напоминать о себе в виде головной боли.

Эта головная боль как ровный барабанный бой.

А еще вздутие живота.

А еще мочевой пузырь близок к разрыву.

Я просыпаюсь и чувствую все это сразу, и еще меня раздражает солнечный свет, как будто я вампир. Неважно, что длинный ряд окон спальни выходит на запад, и солнце не достигает их до полудня. Яркости, струящейся сквозь них, по-прежнему достаточно, чтобы заставить меня вздрогнуть, как только я открою глаза.

Перевернувшись, я шурюю на будильник на тумбочке.

Девять утра.

Рано для меня по меркам озерной жизни.

Я хочу снова заснуть, но головная боль, вздутие живота и колоссальные позывы к мочеиспусканию вытаскивают меня из постели, я иду в ванную, а затем вниз на кухню. Пока варится

кофе, я запиваю адвил стаканом воды из-под крана и проверяю телефон. Есть сообщение от Марни – ужасная картинка с котенком, свисающим с ветки дерева, и с надписью «Держись!»

Я отвечаю рвотным смайликом.

Есть еще одно сообщение, на этот раз с неизвестного номера. Я открываю его и с удивлением вижу, что это письмо от Кэтрин Ройс.

«Прости за вчерашний вечер. – К.»

Так она помнит, что произошло у костра. Интересно, помнит ли она так же, как в полночь ввалилась на кухню. Возможно, нет.

«Не беспокойся», – отвечаю я. Кто из нас не терял сознание в чужом дворе?

Ее ответ приходит мгновенно.

«Это был мой первый раз».

«Добро пожаловать в клуб».

На моем телефоне появляются три точки, исчезают, снова появляются. Верный признак того, что кто-то думает, что написать дальше. Ответ Кэтрин, когда он, наконец, приходит, лаконичен:

«Я чувствую себя дерьмово».

Чтобы подчеркнуть эту мысль, она добавила эмодзи с какашками.

«Хочешь кофе?» – пишу я.

Предложение получает смайлик с сердечком и заглавными буквами ДА!!!!

«Давай сюда».

Кэтрин прибывает на моторной лодке, обшитой деревянными панелями, она выглядит как кинозвезда пятидесятых на Венецианском кинофестивале, когда подъезжает к причалу. Сарафан василькового цвета. Красные солнцезащитные очки. Желтый шелковый шарф повязан под подбородком. Я испытываю приступ зависти, когда помогаю ей выбраться из лодки на причал. Кэтрин Ройс, чувствующая себя как дерьмо, все еще выглядит лучше, чем я в свой самый лучший день.

Однако прежде чем я успеваю усугубить свою зависть, она снимает солнцезащитные очки, и мне приходится сдерживать себя, чтобы не вздрогнуть. Она выглядит грубо. Ее глаза налиты кровью. Под ними гирляндами свисают темно-фиолетовые круги.

– Я знаю, – говорит она. – Это была плохая ночь.

Она берет меня за руку, и мы идем по пристани мимо костра и поднимаемся по ступенькам на заднее крыльцо. Кэтрин усаживается в кресло-качалку, а я захожу внутрь, чтобы принести нам две кружки кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.